

МЕРИ ЛИ

НА КРАЮ

ТУМАНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

♦ III ♦

18+

Мери Ли

На краю тумана 3

<https://litres.ru/74394907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Встав на опасную тропу к заветной цели, мы уже не можем повернуть назад. Нам придется встретиться с ужасами реального мира, понести трагические потери и, может быть, кому-то из нас все же удастся дойти до безопасного места и построить новую жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	76
Глава 10	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Мери Ли

На краю тумана 3

Глава 1

– Милая, опусти пистолет, я против того, чтобы ты поранилась, – миролюбиво произносит мужчина с тату на шее.

Он так спокоен, что становится поистине жутко.

Взгляд прямой, руки опущены, подбородок приподнят, будто он предпочитает смотреть на людей сверху вниз.

Если все, что говорят про Одинокого Волка, правда, то я совсем не удивлена его самоуверенному взгляду.

Сейчас мне удастся рассмотреть его в более спокойной обстановке. Все чудики скрылись из вида. Мужчина покрыт их останками и кровью. Не испачканными остались только волосы, а от выражения зеленых глаз становится дурно. Они будто не принадлежат человеку. Это взгляд хищника, который может наброситься в любой момент.

Я не переживу очередного нападения. У меня больше нет сил бороться, биться и пытаться сбежать.

Раздавлена.

Растоптана.

Испугана и растеряна.

– Октавия, прекрати угрожать Одинокому Волку, – ши-

пит Арчи, быстро переводя взгляд с меня на незнакомца и обратно.

Чувствую его нервозность, она витает рядом и заставляет руки трястись. А может, это не из-за перепуганного парня, а из-за событий, которые произошли буквально только что. Лея мертва. Дилан ранен, а передо мной стоит человек, способный навести ужас на огромную стаю мутировавших людей.

– Он может быть проходимцем, который решил взять имя легенды, – говорю я, не отрывая взгляда от блондина. Конец моего изречения вызывает у незнакомца легкую улыбку.

Смогу ли я когда-нибудь улыбаться? Сейчас это кажется мне совершенно невозможным. После смерти Мишель я не могла позволить себе горевать и выйти из строя из-за Леи, а теперь ее нет, и я могу... могу слететь с катушек и позволить горю захватить меня.

Мне нужно помочь Дилану, а не тратить время на пустые разговоры, но и выпустить из поля зрения угрозу я тоже не могу.

Холодный асфальт под босыми пятками шатается, как и фигура мужчины передо мной. Меня сильно приложили по голове.

Главное не отрубиться.

– Мне льстит, что вы считаете меня легендой, но печалят любого вида оскорбления, – говорит он, снова осматривает мою фигуру и, нахмурившись, спрашивает. – Тебя укусили?

– Уж извините, если задела ваше эго, – говорю я, стараясь не опустить затекшие руки. Колени горят в местах ссадин, затылок трещит, а запястья ноют от соприкосновения металла с ободранной кожей. Место укуса не чувствую, там все онемело.

Мужчина снова фокусируется на моем лице и повторяет вопрос с нажимом:

– Тебя укусили?

– Да.

– Впервые?

– Нет. Это допрос?

– Нет. Я просто любознательный.

На этой ноте мы замолкаем. Я не знаю, что мне делать. Арчи продолжает переступать с ноги на ногу, и эти монотонные движения только нервирует. Бросаю мимолетный взгляд на Дилана. Пальцы на правой руке шевелятся, он постукивает ими по треснувшему асфальту. Он в себе? Спина окровавлена. Ему нужна помощь.

Как же мне сейчас нужен кто-то смысленей Арчи. В голове каша. Я не могу пробраться сквозь уйму эмоций, грозящих вырваться наружу.

– Опустить пистолет? – спрашивает блондин.

– Не могу, – признаюсь я, еще крепче сжав рукоять пистолета.

– Если ты не перестанете мне угрожать, то мои друзья могут выстрелить в вас, а мне бы этого не хотелось, – мягко, я

бы даже сказала, *слишком* мягко объясняет блондин.

Не вижу здесь никого другого. Вероятно, у этого мужчины есть уйма вымышленных друзей.

Арчи резко поворачивается то в одну сторону, то в другую. Я же не отвожу внимание от того, кто и вправду может быть Одиноким Волком. Буквально жду подвоха, нападения, выстрела или летящего в лицо ножа.

Я его не знаю!

– Честер, друг мой, будь добр отправь пулю в небо, – просит блондин, и тут же раздается выстрел.

Вздрагиваю, но пистолет не опускаю.

Он не один.

Сердце колотится о ребра.

Руки затекли и норовят опуститься.

Мир шатается, как поплавок под легкими ударами воды.

– Окта-а-вия, – тянет Арчи, будто ребенок, выпрашивающий у мамы что-то на кассе в супермаркете. – Мы же его капец как долго искали.

– Меня? – уточняет незнакомец, и в его глазах мелькает интерес.

– Да, – с жаром отвечает Арчи. – Мы годами искали тебя. Волк понимающе кивает и говорит:

– Популярность – она такая, я уже смирился.

Медленно опускаю руки, хотя до сих пор не понимаю, как относиться к этому человеку. Вроде бы он спас нас, но моего доверия не получил.

– Так-то лучше, – говорит он, кивнув на мои скованные наручниками кисти.

– Ты действительно Одинокый Волк? – с замиранием сердца спрашиваю я.

Если это правда, то он поможет. Так ведь? Люди верят, что именно этот человек несет спасение.

– Так меня называют, – серьезно отвечает он. – Мне нет смысла обманывать вас.

– Я тебе верю, – вставляет Арчи.

– Вашему другу нужна помощь, – говорит Волк, бросив короткий взгляд к моим ногам. – Он пока еще жив, но долго не протянет...

– Ты сможешь ему? – с дрожью в голосе спрашивает Арчи. – Его надо унести к нашему Доку.

– Разумеется.

Отступаю на шаг от Дилана. Я не в силах смотреть на его окровавленную спину. Он прикрывал меня и пострадал. Очередной дорогой мне человек страдает из-за меня. Если бы я осталась в Луче... Мысли о Лее быстро отрезвляют.

Кай!

Ублюдок!

– Будь с Диланом, – прошу я Арчи и отправляюсь в сторону, откуда еще несколько минут назад пыталась скрыться.

Подбираюсь к нужной машине, целюсь в водительское кресло. Обхожу развалюху, перешагиваю тела чудиков и замираю.

Водительская дверь закрыта, но внутри пусто.

Гипнотизирую водительское кресло, будто Кай может материализоваться прямо из воздуха, и тогда я смогу пристрелить его.

Краем уха слышу, как Арчи и человек, называющий себя Одиноким Волком, уносят Дилана прочь с улицы.

Мне бы пойти за ними, но я продолжаю ждать Кая.

Он не мог уйти далеко, скорее всего скрывается где-то рядом. Ждет подходящего момента, чтобы напасть на меня.

Я вроде бы не готова к новому сопротивлению, но ярость и боль в душе помогут одолеть чудовище. А если не смогу? Тогда он убьет меня и боль утихнет. Все мысли о моей вине перестанут существовать.

– Он ушел, – произносит незнакомый голос за спиной.

Резко оборачиваюсь и наступаю на осколки разбившегося окна. Вскрикиваю от боли в пятке, но оружие не опускаю, дуло смотрит на мужчину, который сидит на крыше одной из машин. Темные волосы, темные глаза, темная одежда. Даже аура темная.

Он спрыгивает на землю легко – с грацией кошачьего хищника, вешает винтовку через плечо и уверенно движется в мою сторону.

– Ты еще кто такой? – спрашиваю я, постепенно отступая, пока не упираюсь спиной в холодный металл.

– Честер, – бросает он. – Дай посмотрю на твои браслеты.

– Не подходи.

Он не слушает меня. Приближается все с той же скоростью, пока дуло пистолета не упирается ему в грудь. Он же просто наклоняет голову набок и достает из нагрудного кармана какую-то... иглу? Отмычку.

Молча наблюдаю за действиями Честера. За пару мгновений он снимает наручники и забирает их себе.

Темный взгляд поднимается от пистолета, до сих пор упирающегося в грудь к моим глазам.

– Нет смысла стрелять, – говорит он.

– Бронежилет? – спрашиваю я.

Кивает.

– Но будет больно, – предостерегаю я.

– Вероятно.

Отступив на шаг, Честер скидывает с себя винтовку и снимает куртку.

– Убери пистолет, – просит он.

Опускаю руки, чтобы в следующее мгновение протянуть одну из них вперед, ведь незнакомец дает мне куртку. Молча принимаю ее.

– Надень, – велит он.

Голос тихий с хрипотцой. Честер будто только что проснулся.

Если бы мне не пришлось стоять перед незнакомцем в трусах, я бы никогда не приняла его одежду. Сейчас же, быстро натягиваю куртку, тону в ней и спрашиваю:

– Куда он убежал?

Ответ следует моментально:

– Следом за тварями.

Поворачиваюсь в нужную сторону и смотрю в пелену тумана. Я хочу пойти за ним. Хочу собственными руками придушить ублюдка. Как же я облажалась, сбегая из Луча. Мое милосердие...

Когда я возвращаю внимание к Честеру, его уже нет.

Оборачиваюсь – пусто.

Я стою одна среди разрухи и трупов.

Я бы подумала, что мужчина привиделся мне, но куртка на плечах и отсутствие наручников прямое доказательство тому, что я была тут не одна.

Меня начинает трясти. Адреналин схлынул, а скорбь и боль набросились будто стервятники.

Лея мертва.

Моя Лея *убита*.

Всхлипывая и прихрамывая, подхожу к машине, открываю водительскую дверь и сажусь внутрь. Роняя слезы, достаю из пятки два осколка и, обхватив себя руками, горько плачу.

Мне нужно выйти и вернуться к Дилану, но я не могу.

Так погано и больно...

Я вообще не хочу ничего делать. Смысла никакого нет. Каждый следующий шаг равен потере. Я уже лишилась всех. Дышать больно, каждый проклятый вдох напоминает, что я *жива*.

Мишель мертва.

Лея мертва.

Дилан ранен из-за меня.

Все они пострадали из-за меня.

Я – эпицентр бед и страданий.

Бесконтрольно прогоняю мысли о поступках, совершенных мною ранее. Для чего-то ищу предпосылки к бедам и нахожу их. Я могла поступать иначе, но постоянно выбирала неправильный путь. В итоге принятых мною решений гибнут люди. Не посторонние, а те, кто дороги.

Что мне сделать, чтобы вернуть их?

Ничего.

Они больше не вернуться.

Я осталась одна. Без мечты и планов. Без семьи...

Вой и слезы.

Боль и безудержные удары по рулю.

Нехватка кислорода и сдавленная грудь.

Истерика.

Первая неподконтрольная истерика в моей никчемной жизни.

Глава 2

В квартире на четвертом этаже в самой дальней комнате грустила Луиза. Она уже около пятнадцати минут провела у постели раненого. Сидела прямо на полу и не могла отвести взгляда от лица Дилана. Разглядывала каждый сантиметр. Он лежал на кровати на животе, Док обработал раны и намазал спину какой-то вонючей мазью, поставил укол и сказал, что Дилан будет спать около четырех часов, но Луиза не уходила. Она молча сидела рядом и держала Дилана за руку. Поглаживала костяшки пальцев.

Она ждала его пробуждения и боялась с одинаковой силой. Луиза вспоминала момент знакомства, проходила по пути связывающих их отношений и понимала, что не готова отпустить его так просто. Она знала, что связь между ними не навсегда, Дилан сразу же это обозначил, а она согласилась, будучи уверенной, что он сам потом не сможет и не захочет уйти. У них даже был момент расставания, и в это время он был с другой. Недолго. Всего пара дней, но Луиза никогда об этом не забывала. Она помнила ту боль и не хотела испытывать ее снова. И когда у них с Диланом все было спокойно, появилась Октавия.

Как же Луиза ее презирала.

Тем более сейчас, когда узнала, что именно Октавия – та девушка, о которой он вспоминал годами. Она – та самая,

из-за которой Дилан не искал долгих отношений. И об этом ей сказал не сам виновник душевных терзаний, а Док. Он поведал об этом двадцать минут назад, и теперь Луиза не знала, что делать с этой информацией. Она не признавала в Октавии соперницу еще час назад, а теперь хотела, чтобы та испарилась и больше никогда не попадалась ей на глаза.

У них все было хорошо. Иногда даже отлично.

А теперь...

Луиза боялась, что, очнувшись, Дилан прогонит ее из-за лжи. Но она не хотела врать! Все произошло в моменте. Она решила послать его не в ту сторону, сказала и тут же пожалела об этом. А потом, стоя у окна, увидела Арчи и поняла — отношениям конец.

Да, Дилан еще до этого говорил, что им пора прекратить, но... но Луиза так не считала.

Она протянула руку и легко провела по щеке Дилана костяшками пальцев. В груди сжалось. Луиза любила его так, как он того не заслуживал, и предпочитала не замечать Эрика, который видел в ней личность и был бы рад принять все ее минусы и плюсы, лишь бы Луиза смотрела на него так, как на Дилана.

Жизнь несправедливая и поганая вещь.

Люди склонны желать того, что им не принадлежит, и бежать оттуда, где могли бы быть по-настоящему счастливы.

Глава 3

Тело Леи накрыли простыней и унесли в пикап, туда же положили и Шерстяного. Их похоронят, как только Октавия вернется. По словам Арчи, она спряталась в заброшенной машине и лучше к ней не соваться. Она одичала. Орала так, что Арчи слышал ее вопли, находясь возле подъезда. Так кричат раненые звери, которые на подсознательном уровне понимают, что им конец.

Бобби, Эрик, Рита, Арчи и Док сидели в гостиной, они ждали, когда вода в ванной перестанет бежать. Всех объединяла мысль о человеке, который притащил на себе раненого Дилана. Они неотрывно глядели на дверь, и каждый думал, а не сошел ли он с ума? Вдруг, это разыгравшееся воображение и утечка какого-нибудь газа? Может, произошла мутация тумана и теперь галлюцинации их спутник по жизни?

– У нас за дверью Одинокый Волк? – спросила Рита едва слышно.

– Ага, – ответил Арчи и не смог сдержать улыбку. Да, время для веселья было неподходящим, но парня разрывало от эмоций.

В их ванной мылся сам Одинокый Волк. Кому расскажи, не поверят. Он ведь с легкостью поднял Дилана на руки и принес сюда, поздоровался со всеми, попросил полотенце и ушел в ванную. Никто даже пикнуть не успел. Все произо-

шло стремительно и неожиданно.

Док отвлекся, чтобы посмотреть на приоткрытую дверь в конце гостиной. Там на постели лежал его друг. Ранения были серьезными, но, к счастью, не смертельными. Док переживал за Дилана, но так же его сердце сжималось из-за Луизы. Она будет страдать, и это никак не поможет их команде преодолевать ожидающие впереди трудности. Из жизненного опыта, Док знал, Лея и кот не последние потери, которые они принесут в дань желанию добраться до безопасного места. Чтобы потерь было меньше, они должны двигаться как слаженные механизм швейцарских часов. К сожалению, сейчас их команда больше напоминала разбитые песочные.

Рита неосознанно прижалась к боку Бобби. Она будто искала у него защиты, ведь прекрасно знала, что получит ее при любом раскладе. Каждый раз, когда Смерть забирала кого-то из команды, Рита молилась и радовалась, что этот кто-то был не Бобби. Она искренне скорбит по остальным, но ведь в глубине души мы всегда надеемся, что беда не коснется наших близких и обойдет их стороной. Девушка намеревалась пойти за Октавией, привести ее сюда, но Арчи уговорил не делать этого. Рита не понимала, правильно ли поступает, оставив ее там один на один со своим горем. Они не настолько близки, и неизвестно, как Октавия предпочитает оплакать Лею. В дружеских объятиях или в гордом одиночестве? А еще она не представляла, что сделает Октавия, когда узнает, что Луиза была свидетелем трагедии и даже не

попыталась вмешаться. Рита сама не знала, как бы поступила на ее месте. В мыслях легко представить себя в героических подвигах, а вот в жизни все всегда намного сложнее. Страх, растерянность, мотивы... они вмешиваются тогда, когда это меньше всего необходимо.

Эрик вообще старался забыть. Отгонял мысли как только мог, лишь бы не думать, что Луиза находится в соседней спальне и страдает по Дилану. Он не хотел переживать за Дилана, но не мог иначе. Старался не рассуждать про тело в машине и скорые похороны. Эрик упрямо смотрел на дверь, из-за которой доносился тихий шум воды и едва слышимый напев незнакомого человека, который не попадал ни в одну из нот.

Арчи же ерзал на месте, он сильнее всех ждал, когда Одинокый Волк появится, и все дружно охренеют от его крутости. Парень не заботился о душевных терзаниях остальных, они ему были совершенно неинтересны. Да, он понимал, что сейчас снова будет туго и все станут ходить с угрюмыми лицами, но это пройдет. Всегда проходит. Жизнь пойдет дальше и наступят новые приключения. Они ведь нашли Одинокого Волка! Что может быть важнее этого? Правильно – ничего.

Шум воды резко прекратился, все взгляды устремились в сторону открытой двери спальни, оттуда через пару минут вышел светловолосый мужчина с голым торсом в спортивных брюках. Босые ступни медленно передвигались в сторо-

ну одинокого кресла. Все молчали. Волк вытер волосы махровым полотенцем, перекинул его через плечо и устроился напротив людей, которых совершенно не знал. Если не считать разумного парня по имени Арчи, именно он пытался уговорить девицу в трусах, чтобы та не стреляла.

Волк откинулся на спинку и обвел присутствующих внимательным взглядом.

Первым сидел бородатый здоровяк, рядом с ним миниатюрная блондинка с разноцветными глазами. Миловидная внешность привлекла бы Волка в былые времена, теперь женщины его не интересовали. Он помогал им, спасал, флиртовал на автомате, но не приближался к прекрасному женскому телу уже пару лет. Это было опасно в первую очередь для дам. Волк часто думал, что это наказание, которое ему послали свыше. Раньше он не мыслил жизни без женского внимания и купался в нем с превеликим удовольствием. А теперь? Как только желание вспыхивает в крови, он теряет контроль и может нечаянно переломать все кости, оторвать голову или задушить.

Нет. Волк не был готов к такому грузу.

Теперь он выпускал пар и получал удовольствие от охоты. Пока этого достаточно.

Следом за блондинкой сидел седой старик с пробитой головой. Аромат старой крови витал в воздухе, но он сильно смешался с запахом трупа. Старик смотрел на Волка слишком широко раскрыв глаза. Не моргал. Может, у него зрение

плохое и таким способом он пытался разглядеть хоть что-нибудь? Волк этого не знал и не стал спрашивать.

Последним сидел молодой мужчина, в осанке которого Волк тут же распознал военного или служителя закона. На его лице было меньше всего эмоций.

Волка не интересовал их внешний вид, он давно перестал отталкиваться от подобного, его куда больше занимали чувства присутствующих. В этом было куда интереснее разбираться.

Сердцебиение старика было слишком быстрым, а дыхание прерывистым. Еще немного, и дед откинет коньки в ближайшие кусты. Надо бы его как-то успокоить. Он слишком нервничал.

– Твою ж мать, – сказал старик. – Рита, меня видать сильнее необходимого треснули по голове. Это ж Одинокый Волк. Тут сидит. Прямо передо мной. В кресле. Татуировка еще у него на шее прям. Это ж...

– Да он это, он, – воодушевленно взвизгнул Арчи так и не сумев подобрать эмоции.

– Вы знаете мое имя, а я ваши – нет. Неравные условия для начала разговора, – заметил Волк.

– Во как загнул, – проямлил Док. Он до сих пор не понимал, правда все происходящее или нет.

– Люблю играть словами, – с мимолетной улыбкой поведал Волк.

– У тебя это отлично получается, – выдал Арчи, чуть ли

не подпрыгнув на месте.

— Благодарю. Compliments я одобряю.

В помещении снова стало тихо. Волк с интересом ожидал дальнейшего разворота событий. Он редко встречался с людьми, в основном его окружали охотники и твари. Коммуникация — одно из немногих по чему он скучал.

— Вы искали меня, — напомнил он, посмотрев на Арчи.

— Да. Но мы не были уверены, что ты существуешь, — подала голос Рита.

Волк хмыкнул. Эта девушка даже не подозревала насколько именно это слово попадало под описание его нынешней жизни. Он просто существовал, не зная, куда деть энергию и ярость, которые вросли в плоть, стали его частью и не пропадали почти никогда.

— Вышло так, что я существую, — проговорил Волк, мысленно вспоминая место, где действительно жил. Был другом. Был частью семьи, которая его приняла, несмотря на все недостатки. А они были. Волк не хотел возвращаться воспоминаниями к тому, от чего отказался, и спросил: — Что вы забыли в этом городе?

— Мы скитальцы. Годами кочуем из города в город, — ответил Док и между делом ущипнул себя за ногу. Почувствовал боль и кивнул сам себе. Все это правда.

— Ищем безопасное место, — сказала Рита и еще теснее прижалась к Бобби. Энергия от Одинокого Волка была такая, что связно мыслить получалось с трудом. Так мало ему

этого, он еще и оголил идеально сложенный торс.

— С этим нынче напряженно, — заметил Волк.

— Мы знаем, — проговорил Арчи, понутив плечи. Он вспомнил Элеонору. Она могла бы еще жить и жить.

— Я не хочу нарушать ход беседы, — аккуратно подбирая слова, встрял Док. — С нами еще есть девушка. Арчи сказал, что она в машине, и я переживаю, что она что-нибудь натворит. У нее тяжелый период.

— Октавия, — подсказал Арчи. — Это он про нее.

— За ней присматривает Честер, — спокойно ответил Волк. Он попросил друга об этом сразу же, как взвалил на себя парня под именем Дилан.

— Это еще кто? — удивился Док.

— Один из охотников, — ответил Волк.

— Ты ведь *Одинокий Волк*, — протянул Арчи нахмутив лоб. — Я думал, ты один занимаешься спасением мира.

Бравада Арчи позабавила Волка. Когда-то он тоже был молод и полон амбиций, а потом понял, что мир не делится на черное и белое. Он соткан из оттенков серости, и все зависит только от того, как ты относишься к серому цвету. Любишь? Ненавидишь? Принимаешь как данность?

— Мир не спасти, — сказал Волк. — Да и надо ли пытаться? Я просто охочусь на тварей, уничтожаю их, и если по пути удастся помочь людям, то я иногда это делаю.

— Ты знаешь какое-нибудь безопасное место? — не выдержал Эрик.

Волк прищурился и снова посмотрел на каждого по очереди. Теперь он глядел не на внешнее проявление тела, он заглядывал глубже, в дебри, которых обычный смертный не мог увидеть и понять.

Волк не был обычным при былой жизни, а теперь и подавно. Он прислушивался к биению их сердец, принюхивался к запаху, присматривался к малейшим изменениям мимики.

— Знаю, – в итоге сказал он, наклонился немного вперед и тут же добавил: – Но я не отправляю туда кого попало. Это место единственное, которое я когда-либо называл своим домом.

Глава 4

Прихожу в себя, когда на улице уже сгустилась тьма. Мелкий дождь разгоняет туман, капли бьют по металлу, и скорее всего именно этот звук вытащил меня из состояния апатии.

Я лежу, свернувшись калачиком на водительском кресле. Есть вероятность, что я спала или просто была где-то за гранью проклятого мира. В нем мне делать нечего. Не хочу и не могу.

Внутри появилась чаша под названием пустота, и она до краев наполнена болью и отчаяньем. Сосуд уже врос в душу, и я знаю, что никогда в жизни не смогу от него избавиться. Единственный вариант заполнить чашу чем-то другим – вытеснив боль. Но сейчас я не в состоянии это сделать.

Просто не могу.

Сил нет.

Нет и желания.

Не хочу возвращаться в квартиру. Я даже не знаю, в какой стороне она расположена. Перед глазами снова появляются окровавленные следы, я иду по ним, слышу голос Кая, вижу его... Лея пытается дать мне шанс на побег. Выстрел. Она падает. Мой мир разбивается на тысячи осколков.

У меня больше нет семьи.

Мама, папа, Лея...

Сжимаюсь в комок поменьше, подтягиваю колени к под-

бородку и зажмуриваюсь.

Время перестало существовать, я не знаю, сколько лежу тут и жалею себя.

По горлу будто провели наждачкой. Не помню, как долго я кричала и рыдала, но кажется, что целую вечность. Голова раскалывается, глаза опухли так, что больно моргать.

Мне нужно похоронить Лею и узнать как дела у Дилана. Нас с ним связывает долгая история, а я, будучи натуральной эгоисткой, выбрала страдания вместо того, чтобы помочь ему. Я уверена, что Луиза позаботилась о Дилане. А обо мне могу позаботиться только я сама.

Принимаю сидячее положение и просто смотрю перед собой. Ни о чем не думаю. Мыслей нет. Я попала в водоворот бессознательного глядения в одну точку.

Смысл жизни исчез.

Его больше нет.

Ради чего мы продолжаем идти вперед?

Станный вопрос, на который у меня пока нет ответа.

На теле уйма ссадин, но больше всего болит душа. Ее не вылечит никакое лекарство. Что мне сделать, чтобы прийти в себя и начать действовать? Я даже дышать не хочу. Сидеть и то тяжело, я желаю снова собраться в комок, лечь и закрыть глаза и больше не вставать. Тело так и клонит в бок, но я запрещаю себе сдаваться.

Сложнее всего то, что ради себя сложнее преодолевать препятствия. Раньше я делала все ради Леи и Мишель, ради

нашего общего будущего, а теперь придется жить ради себя.

– Соберись, – хриплю я сама себе и сжимаю пальцы в кулаки. А они не сжимаются.

Откидываю голову назад и, прикрыв глаза, слушаю, как капли дождя продолжают барабанить по металлу. Звучание, которое раньше успокаивало, ведь дождь прогоняет чудиков, теперь стало симфонией скорби.

Хватит!

Октавия, хватит!

Стараюсь вернуться в отвратительную реальность. Я не могу взять отпуск на неделю и просто лежать в заброшенной машине. Мне нужно действовать, чтобы почувствовать себя живой.

Я ведь жива...

Забираю пистолет, открываю дверцу и аккуратно, переступая битое стекло, выхожу под капли дождя. Поднимаю лицо к небу и закрываю глаза. Прислушиваюсь к миру вокруг. Тихо. Только дождь шумит, в остальном мир будто замер. Надеюсь, не перед следующим потрясением.

Позволяю себе насладиться моментом. Прохладно. Мокро. Темно.

Глаза все же приходится открыть. В какую сторону мне идти? Где та проклятая квартира? Большую часть пути, пока Кай тащил меня, я была в отключке, либо находилась на грани сознания.

Оборачиваюсь вокруг себя. Бессмысленное занятие.

Прислушавшись к интуиции, медленно бреду мимо брошенных машин, тел чудиков и утраченных надежд. Асфальт холодный и мокрый, но меня это не заботит. Я просто иду и четко ловлю ощущение одиночества. Более того, я не хочу, чтобы кто-то был рядом. Внутри селится страх того, что как только кто-нибудь попытается задержаться возле меня, как его неминуемо ждет скорая смерть.

Еще одну потерю я не вынесу.

Я и эти с трудом тащу на плечах.

Иду медленно, будто мне больше некуда спешить. Но какая-то жизненная искра, хоть и задавленная пеплом, все же дает о себе знать, я сжимаю рукоять пистолета и точно знаю, что воспользуюсь им, если придется.

Я больше не буду проявлять милосердие.

Не буду звать законопослушного гражданина и ждать, когда он подскажет мне правильный путь.

Не буду полагаться на других.

Не стану заложником скорби.

Я буду жить с грузом своих решений и потерь. Ведь если не станет и меня, то все было зря. Каждый шаг, действие, потеря...

Приказываю себе поднять подбородок и пойти с прямой спиной, но одних мыслей и принятого наспех решения недостаточно, чтобы почувствовать жизнь и принять ее со всеми черными пятнами.

Жаль, но так легко все не решается.

Огромная куртка скрывает меня от поднявшегося ветра, сильнее закутываюсь в нее, будто она может отнять все печали. Прячу левую ладонь в карман и нащупываю складной нож. Сжимаю его до боли в пальцах и продолжаю идти с опущенной головой и осевшими плечами, как побитая, всеми забытая собака.

Не знаю, сколько времени брожу по заброшенному городу. Промокла и исколола все ступни. Все-таки нахожу нужное здание. Поднимаю взгляд на четвертый этаж и замечаю там свет. Не от электричества, разумеется, от свечей, но и его вполне достаточно, чтобы раскрыть место временной дислокации.

Вхожу в подъезд и, еле поднимая ноги, бреду наверх. Ступень за ступенью.

В полутьме пару раз натыкаюсь на мусор, но просто перешагиваю его и иду дальше.

Дверь в квартиру открыта, оттуда доносятся голоса. Узнаю Арчи и Дока, при мыслях о втором на глаза набегают слезы. Я уже привыкла к этому старику и счастлива, что он жив. Есть голоса, которые я не слышала ранее. Останавливаюсь у двери и прислушиваюсь. Слов не разобрать, но тон беседы больше похож на дружеский, чем на враждебный.

Взгляд падает на кровавые следы, и к горлу тут же подступает спазм. Отворачиваюсь и толкаю дверь, чтобы полностью открыть ее.

Стоит мне миновать коридор, как все в гостиной замол-

кают.

Все из нашей компании, не считая Луизы и Дилана, сидят на диване и со скорбью смотрят на меня. В кресле расположился Одинокый Волк или самозванец, укравший имя легенды. Я еще не поняла, верю ему или нет. За блондином с оголенным торсом стоят еще двое мужчин. Я их не видела раньше, но, судя по одежде на них и куртке на мне, люди Волка посещают одного и того же стилиста, который не слышал про цвета, кроме черного.

Черного траурного цвета.

– Октавия, – неуверенно начинает Рита, поднимаясь с дивана.

Отрицательно качая головой и смотрю на место, которое отмыли от крови. Флешбэки прилетают со всех сторон. Лея кричит и бросается на Кая.

Пол шатается, а лица присутствующих смазываются.

– Где Лея? – хрипло спрашиваю я и тут же сглатываю слюну. Больно. Как долго и громко я кричала, сидя в машине?

– Ее тело... Она.. Лея в пикапе, – теряясь в словах отвечает Рита.

Киваю. Зачем? Черт его знает, может, для того, чтобы присутствующие поняли, я в себе и воспринимаю полученную информацию.

– Как Дилан? – спрашиваю я, устремив взгляд на Дока.

– Спит. Я, кажись, ввел лекарства больше, чем нужно, – мягко произносит старик.

Дилан закрыл меня собой.

И это не фигура речи, чтобы облачить его в доспехи, а свершившийся факт. Он мог умереть, знал об этом и все равно принял решение спасти меня. Как только проснется, получит за это.

– Его спина... – начинаю я, но горло обхватывает удавка, и я не могу закончить вопрос.

– Много резаных ран, удар по голове. Он еще не приходил в себя, но обязательно очнется, – заверяет Док.

Как он может давать обещания такого рода? Никто из нас не застрахован от смерти. Не обязательно при этом быть раненым, достаточно просто перейти дорогу Старухе с косой.

– Луиза присматривает за Диланом, – информирует Арчи. Кто бы сомневался.

Меня это даже не раздражает. В данный момент я рада, что рядом с Диланом есть человек, который в силах о нем позаботиться. К сожалению, я не тот, кто ему сейчас нужен. Уверена, от энергетики, которая исходит от меня в данный момент, вянут цветы и с неба падают птицы.

Еще раз киваю и иду в комнату, которую мы с Леей выбрали. Мне необходимо одеться, я больше не могу ходить по городу в трусах и чужой куртке. Мне нужна лопата, ключи от пикапа.

Голова плохо соображает. Ставлю перед собой первую задачу. Переодеться и взять все необходимое, а потом пойду за машиной, чтобы увезти Лею куда-нибудь. Куда именно, не

знаю, но я пойму, если увижу это место.

Открываю дверь и замираю на пороге. На кровати лежит Дилан, рядом с ним сидит Луиза. Почему они выбрали именно эту комнату?

Закрываю дверь и глубоко вздыхаю, смотря на окровавленную спину. У него прибавятся, как минимум, семь больших шрамов. Хорошо, что Дилан спит, иначе его мучала бы адская боль.

– Соболезную, – говорит Луиза, не отстраняя взгляда от раненого.

Я снова киваю.

Это мой личный нервный тик. Я не хочу разговаривать с Луизой. У меня даже нет сил, чтобы испытать хоть какую-то эмоцию, смотря на то, как она с непреодолимой нежностью гладит запястье Дилана.

Какое-то время я просто пялюсь на их руки и не могу отвести взгляда. И при этом ничего не чувствую. Чаша под названием пустота переполнена другими эмоциями, в ней просто не осталось места на что-то еще.

Натягиваю штаны, две пары носок, потому что пятка до сих пор кровоточит, а я не в норме и не хочу ее заматывать, пусть остается так. Я как будто обязана испытывать боль, ведь умереть должна была я, а не Лея.

Куртку не снимаю, она отличная, теплая и огромная, никакой дождь в ней не страшен.

Достаю из рюкзака фонарь, и взгляд цепляется за сумку

Леи. Сердце тут же пронзает ядовитым кинжалом, и я быстро поднимаюсь, глядя на ее вещь так, будто она – самое опасное, к чему я когда-либо приближалась.

Черт!

Вылетаю из спальни, и в гостиной снова все замолкают.

– Ключи от пикапа, – прошу я, не обращаясь ни к кому конкретно.

Рита поднимается с дивана и подходит ко мне. Не смотрю ей в глаза, ведь увижу там только жалость. Могу расклеиться и снова удариться в рыдания. А я не хочу так. Хочу контролировать боль, хотя понимаю, что это невозможно. Но кто запретит мне попробовать обуздать скорбь? Никто.

– Я с тобой, – говорит она.

– Нет, – отрезаю я. – Я сама.

Голос будто не мой. Хриплый и глухой. Мертвый.

– Там могут быть твари.

Встречаюсь с глазами Риты, и она тут же отступает на шаг. Мне даже не приходится ничего говорить. Я не хочу, чтобы этому были свидетели. Я буду снова рыдать. К счастью, моего горя никто не видел, пока я убивалась, сидя в машине. От этого легче. Мне не нужны свидетели моего упадка. Слабость показывать нельзя. А сейчас я именно слабая, ведь все, ради кого я жила... мертвы.

Рита отдает ключи, и тут я слышу голос Одинокого Волка:

– Пусть идет, Честер присмотрит.

Владелец куртки.

Только сейчас замечаю его, он сидит в самом темном углу и молча чистит пистолет.

Забираю ключи у Риты и выхожу из квартиры, но девушка догоняет меня и объясняет, как найти машину. Это лишнее доказательство моей слабости и никчемности. Я пошла к пикапу, даже не зная, где он находится.

Рита заканчивает объяснение и неожиданно сокращает между нами расстояние и обнимает. Коротко и крепко. Даже не успеваю отреагировать, как Рита уже отпускает меня и скрывается за дверью квартиры.

Пару мгновений трачу на осознание произошедшего, разворачиваюсь и ухожу прочь.

Шагов за спиной не слышу, но чувствую присутствие чужака. Он идет след в след. Вышел из квартиры совершенно бесшумно.

Чтобы найти машину, у меня уходит не больше тридцати минут, по крайней мере, я так чувствую. Открываю ее и забираюсь на место водителя. Жду пассажира, и как только он усаживается на сиденье справа от меня, завожу двигатель. Урчание кажется слишком громким и это немного отрезвляет.

Я в компании незнакомца. Посреди ночи. С телом Леи. В мертвом городе.

Как один из возможных вариантов, я могла бы подождать утра и тогда похоронить тетю, но я чувствую, что должна сделать это как можно скорее. В чем причина такой спешки? Не

знаю. Может быть, мне станет немного легче?

Я не водила очень давно, но все равно помню, что нужно делать, чтобы металлическая машина поехала. Выруливаю и отправляюсь вон из города. В темноте плохо видно обочины и в итоге я сворачиваю на проселочную дорогу, которая полностью заросла травой. Когда фары цепляют холм, торможу и какое-то время смотрю перед собой.

Я морально выжата.

Скорее всего у меня даже не осталось слез, которые причитается ронять на похоронах близких людей.

Несмотря на песок в глазах и полный внутренний раздрай, я уверена, что этот холм именно то место, где должна быть похоронена Лея. Слева на нем растут дикие розы. Как же Лея любила эти цветы...

Выхожу из машины и забираю из кузова лопату. Не знаю кто ее положил, но уверена в одном, команда Дилана научена подобными трагедиями. Не смотрю на белый саван, но замечаю рядом с ним Шерстяного. Глажу его по шерсти и понимаю, он уже окоченел.

Тошнота дает о себе знать, и я отдергиваю руку.

Кай и кота убил.

Шагаю к холму и, остановившись в самом центре, втыкаю лопату. Из-за обилия растительности, пробиться глубоко не получается. Выкапываю около двадцати сантиметров и обессиленная сажусь возле горки земли.

Бросаю взгляд на пикап, из которого так и не вышел мой

проводящий. За все время он не произнес ни единого слова.

Передохнув пару минут, снова поднимаюсь и продолжаю копать. Втыкаю лопату все глубже и глубже. Откидываю землю дальше. Движения становятся резкими. Дыхание рваное.

Так продолжается, пока я уже не в силах поднять руки. Падаю на колени и закрываю глаза. Глубоко вдыхаю через нос и выдыхаю через стиснутые зубы.

Я не плачу, но внутри все переворачивается.

Больно.

Как же больно.

Открываю глаза из-за характерного звука, лопата снова входит в землю. Ею орудует Честер. Молча, не смотря на меня.

Я хотела сделать это одна!

Открываю рот, чтобы попросить его уйти, но не делаю этого. Только сейчас понимаю, что мне не принести Лею одной. Не буду же я тащить ее тело по земле.

Сидя на коленях, наблюдаю, как яма становится глубже и глубже.

Снова впадаю в прострацию, опять нащупываю нож в кармане и понимаю, что не взяла пистолет, он так и остался валяться на полу в комнате.

Честер вылезает из ямы и отправляется к машине, вскакиваю и бегу следом, будто хочу спасти Лею от него. *Спасать больше некого.*

Останавливаюсь так резко, что чуть не падаю. Дальше уже

иду спокойно.

Честер откидывает борт пикапа, и я хватаю его за руку, он переводит на меня нечитаемый взгляд. Разжимаю пальцы и отпускаю запястье.

– Я просто перенесу ее, – говорит он.

Киваю.

Губы дрожат.

Белый саван оказывается на руках Честера, и я понимаю, что это последние минуты, чтобы попрощаться. Лее это не нужно, а мне...

Поднимаю тело Шерстяного и не понимаю, зачем Кай убил кота. Он-то ему что сделал? Доходим до ямы, и Честер просто спрыгивает в нее с Леей на руках. Как он это провернул?

Он опускает тетю на землю и протягивает руки, отдаю ему Шерстяного, тело которого тут же опускается рядом с Леей.

Честер легко выбирается из ямы и уходит.

Сажусь на край и долго подбираю слова. Вслух не выходит ни одного, но мысленно я прошу у тети прощения. Я была отвратительным родственником. В какой-то момент я стала слишком часто ставить себя на первое место.

Я не должна была так делать.

– Прости, – хрипло шепчу я. – Я так тебя люблю.

Сижу так, пока солнце не начинает подниматься из-за горизонта. Несколько раз думаю о том, чтобы спуститься в могилу и отодвинуть саван, увидеть лицо Леи в последний раз,

но не могу. Просто не могу.

Рассвет, которого Лея уже никогда не увидит.

Поднимаюсь, берусь за лопату, загребаю землю, а бросить ее в яму не получается.

Оборачиваюсь и сквозь лобовое окно смотрю на Честера. Когда он ловит мой взгляд, выходит из машины и направляется ко мне.

Неудобно просить его. Я вообще не знаю, что это за человек. Кто он? Откуда? Что здесь забыл?

– Я не могу, – выдавливаю я.

Он пытается забрать лопату, но прежде чем ему это удастся, он с усилием отрывает мои пальцы от черенка.

Время растягивается. Не отрываю взгляда от того, как постепенно белая простынь исчезает под слоем земли.

Когда поверхность холма становится ровной, я понимаю, легче не стало.

Когда-то я обещала Лее, что мы снова будем выращивать ее любимые цветы. Максимум, что я смогла сделать, найти куст диких роз и похоронить тетю рядом с ними.

Больше не будет никаких обещаний.

Никаких планов.

Никаких мечт.

Глава 5

Я не вернулась в квартиру, где погибла Лея. Не смогла пойти туда, побоялась, что воспоминания о нападении Кая выбьют землю из-под ног. Оставив пикап на нужном месте, отдала ключи Честеру и ушла в здание, расположенное по соседству с домом, в котором произошло несчастье. Поднялась на второй этаж, нашла ближайшую открытую дверь и заперлась там. Я была уверена, что не усну, но вырубилась, сидя на пыльном диване.

Во сне я от кого-то бежала. Вокруг сменялись картины: города, леса, горы, людоедская община, непроглядный туман, а я все бежала и бежала. С какой целью ноги несли меня в неизвестность? Скорее всего подсознание пыталось убраться как можно дальше от душевной боли, но как оказалось, от нее не так просто уйти.

Открыв глаза, безучастно смотрю на запыленные стены с изобилием картинных рам. Ими увешана почти вся гостиная. Разминаю шею и, стоит начать шевелиться, как все мышцы пронзает болью. О себе напоминает проткнутая пятка, содранные колени и локти. Меня будто пропустили через мясорубку, а потом сбросили кучей.

Глотку дерет так, что больно глотать слюни.

Желудок урчит. Когда я ела в последний раз? Не помню. Не знаю, как насчет еды, а пить хочется адски.

Я рада, что вчера никто не пришел и не попытался поговорить со мной. Все мы переживаем боль по-разному. Кому-то необходимо, чтобы его утешали, а мне важно, чтобы ко мне не приближались. Да уж... ко мне действительно лучше не приближаться, ведь за мной ходит сама госпожа Смерть, и стоит ей заметить дорогого мне человека, как она тут же отнимает его.

Нахожу кухню и открываю кран, вода бежит узкой струйкой, подставляю руки и умываюсь, пью прямо из ладоней, морщусь от боли в горле и вырубаю воду. Решаю проверить квартиру, может, найду что-нибудь полезное? На кухне пусто. Отсюда вынесли даже столовые принадлежности, не говоря уже о крупах и консервированной пище. В спальне скелетированные останки. В ванной добываю кусковое мыло, на этом осмотр помещения заканчивается.

Нужно проверить Дилана и смыть с себя грязь.

Отправляюсь вон из квартиры и быстро преодолеваю расстояние до соседнего дома. Туман не такой плотный, видимо, дождь закончился недавно. Меня вырубило так, что я даже не слышала звука бьющихся капель об огромное окно гостиной.

Поднимаюсь на нужный этаж, и меня тут же охватывает упадок сил. Я ведь спала, попила. Что тебе еще надо, чертов организм?

Ночевать я здесь точно не буду. Не смогу уснуть в стенах этой квартиры.

В гостиной только Док, он с хмурым видом перебирает свою аптечку. Стоит ему заметить меня, как взгляд старика становится печальным, а улыбка неестественной.

– Привет, – аккуратно начинает он.

Киваю, потому что не уверена, что хочу разговаривать. Да и глотка болит. Собираюсь пройти мимо, но торможу напротив Дока. Если я буду вести себя необычно, то их скорбные лица никогда не примут обыденные выражения. И это будет добивать меня день ото дня. Мне нужно постараться и пойти на контакт. Нельзя закрываться в своем горе, хотя бы иногда необходимо приоткрывать дверь и проветривать склеп.

Напрячь связки все же приходится, и я спрашиваю:

– Где все?

Док как будто ждал именно этого вопроса. Он тут же начинает перечислять:

– Одинокий Волк, Трэвис, Хьюго и Арчи ушли на охоту. У нас еды почти нет, Волк предложил помочь с этим, я не стал отказываться, а Арчи так и вовсе чуть в обморок не упал. Увязался за ними. Рита и Бобби куда-то ушли, сказали, что скоро вернутся. Эрик на вылазке, пытается найти что-нибудь медицинское, у меня все заканчивается. Луиза ушла в ванную. Я здесь. Дилан в спальне.

Закончив тараторить, Док выжидательно смотрит на меня.

– Как он? – спрашиваю хрипло и тут же поднимаю ладонь к шее.

Док морщится и пожимает плечами.

– Не знаю, как долго он будет восстанавливаться. У него так разорваны ткани, что их не зашить. Кое-какие я склеил, другие стянул и прижал степлером. Эта ночь была для него сложной.

А меня рядом не было.

– Он очнулся?

– От боли приходил в себя, от нее же и вырубался.

Глубоко вздыхаю, Док дополняет:

– Дилан спрашивал о тебе.

– Я была в соседнем доме, – признаюсь я.

– Знаю, Честер сказал об этом, когда вернул ключи, а потом снова ушел.

– Куда ушел?

– Присматривал за тобой.

– Я об этом не просила.

– Волк попросил, а как я понял, его просьбы – выше, чем закон, – говорит Док с неприкрытым восхищением. Он размещается на диване и с печалью глядит на остатки медикаментов. – У нас почти ничего не осталось.

– Раздобудем, – обещаю я. И сказав это, ловлю мысль, что мне нельзя сидеть сложа руки. Работа любого рода сможет хоть немного привести меня в чувство. Буду искать медикаменты, шприцы, бинты и прочее.

Присаживаюсь рядом с Доком и, вспоминая его лежащего в кодиреде, говорю:

– Я думала, ты умер.

– Сам так думал, – совершенно серьезно рассказывает Док. – И в этот раз пронесло. – Едва слышно добавляет: — Когда-нибудь удача отвернется от меня.

По рукам пробегают мурашки. Ежусь от неприятного ощущения.

– Не говори так, – прошу я.

Он лишь мягко улыбается и кладет на мои пальцы свою прохладную ладонь.

– Октавия, я прожил больше шести десятков лет. Я к смерти отношусь иначе.

– И как ты к ней относишься? – спрашиваю, в надежде, что его ответ поможет мне составить собственное мнение.

– Как к тому, что ждет каждого из нас. – Худые плечи поднимаются и опускаются в жесте полного безразличия. – Никто не может обмануть смерть. Если мне суждено умереть завтра, то пусть так и будет. Я уверен, что попаду в хорошее место и наконец-то отдохну как следует.

Док улыбается, но я не разделяю его настрой.

– Я бы тоже хотела отдохнуть, но желательно в этой жизни.

– Ждать осталось недолго, – воодушевленно говорит Док, устраиваясь вполоборота ко мне.

– Не поняла.

– Волк реально знает безопасное место. – Взгляд старика сверкает ярче любого бриллианта.

– И где это место? – уточняю я.

– База номер девять.

– Вы же с Диланом бежали с какой-то базы. С чего ты решил, что девятая лучше двенадцатой?

– Из-за главы правления. Волк описал этого мужика, как непоколебимую и справедливую скалу.

– И ты ему поверил. А если эта непоколебимая скала сообщит на базу двенадцать, что Дилан, которого там вообще-то разыскивают за разные преступления, находится на базе номер девять? – спрашиваю я, всматриваясь в лицо Дока, но не нахожу там ни единого намека на беспокойство.

– Он этого не сделает. Ведь мы придем к нему от друга.

– И нам там будут рады?

– Может, и не рады, но примут и дадут работу, крышу над головой и безопасность. Мы ведь искали именно это.

Док действительно верит, что мы дойдем до безопасного места. Не буду больше пытаться его и пытаться затянуть в свои сомнения. Я толком не общалась с Волком и мне сложно доверять его словам.

Просидев рядом со стариком еще пару минут, поднимаюсь и подхожу к комнате, где находится Дилан. Как можно тише приоткрываю дверь, чтобы не разбудить его, но стоит мне зайти, как он тут же открывает глаза. Дилан все так же лежит на животе, на спине сменили повязки.

Сердце сжимается, хочется обнять Дилана и почувствовать его. Он жив и с ним все будет в порядке.

Он жив!

Подхожу к краю кровати и присаживаюсь на пол, так наши лица находятся на одном уровне, и Дилану не придется подниматься, чтобы не навредить и без того страдающей спине.

– Спасибо, – сразу же говорю я.

Он хмурится и переспрашивает:

– За что?

Замечаю потрескавшиеся губы и усталость на лице Дилана. Ему больно прямо сейчас, но он старается не показывать этого.

– Ты вообще-то спас меня. Больше так не делай, – искренне прошу я и накрываю его пальцы своими. Дилан тут же сжимает их и подтягивает ближе к своему лицу.

– Не спасти тебя? – переспрашивает он.

– Да, – выдыхаю я.

Печальная улыбка касается его губ.

– Ты просишь о невозможном, – говорит он.

Отвожу взгляд и глубоко вздыхаю. Неужели Дилан не понимает, что если и он погибнет из-за меня, то я...

– Как ты? – спрашивает он, разорвав нить моих полных негодования мыслей.

– Не знаю. Лею похоронила. Немного поспала, – стараюсь, чтобы голос звучал ровно, но все равно перехожу на писк, когда приходится сказать про похороны.

Дилан еще ближе подтягивает мои пальцы и легко касается их губами. Смотрим друг другу в глаза и не нужно лишних слов. Дилан, как никто другой, знает, насколько Лея бы-

ла мне дорога. Также только он знает, что я не хочу об этом говорить. Точно не сейчас. А возможно, вообще никогда.

– Кай сбежал, – сообщает Дилан.

– Он вернется.

Я знаю, о чем говорю. Я задела их эго, унизила, смоталась из Луча и показала этим поступком остальным жителям, что сбежать оттуда возможно. Я подорвала авторитет вышестоящих. Меня должны вернуть и публично наказать. Кай сумасшедший, он не отстанет.

– Все говорят, что у нас в гостях Одинокый Волк, – проносит Дилан и с подозрением глядит на меня.

– Не знаю, он ли это, – отвечаю я, пожав плечами. – От него бежали чудики. Неслись сломя голову. Он спас нас, принес тебя сюда. Вроде бы ничего плохого нам не сделал, но...

– Но ты ему не веришь, – договаривает Дилан за меня.

– Я не знаю, – признаюсь я. – Может, и поверю, но мне нужно самой услышать, что он скажет, а не через третьих лиц.

– Согласен. Я его даже не видел.

– Он... – На подбор подходящего эпитета уходят секунды, – запоминающийся.

Дилан, прищурившись, глядит на меня и неожиданно спрашивает:

– Что за куртка?

– Это Честера, – отмахиваюсь я.

– А это еще кто такой?

– Друг Волка. Я не знаю, кто он.

Слышу от Дилана смешок и нахмурившись, спрашиваю:

– Что смешного?

– Ничего, как только я отключился, рядом с тобой уже появился какой-то Честер и легендарный Волк. Просто любопытно получается, как только я решаюсь на определенный шаг, в нашем поле сразу же появляется кто-то третий.

– Ты хотел сказать четвертый? Луиза вроде как считается. И если посчитать Волка и Честера, то это уже большее количество людей, которое могу вытерпеть, – говорю я, загибая пальцы.

Дилан становится серьезным и говорит, четко глядя мне в самую душу:

– В день, когда ты вернулась в мою жизнь, у меня ничего не было с Луизой.

– Я тебя об этом не спрашивала.

– Но я хочу, чтобы ты знала.

– У меня с Честером тоже ничего не было, если тебя это так интересует, – говорю я, чтобы уйти от серьезности темы. Мне приятно узнать, что у Дилана с Луизой не было интима, но я не готова сейчас лезть себе в сердце и ковырять там. И так все кровоточит.

Молча смотрим друг на друга, Дилан только открывает рот, чтобы что-то сказать, как дверь в комнату открывается, и внутрь входит Луиза. Облаченная в короткие шорты и объемную толстовку. Волосы мокрые, взгляд бежит от меня

к Дилану, от его лица к нашим рукам.

– Мне пора, – говорю я, повернувшись к Дилану и представив, что Луизы тут вовсе нет. – Мне нужно в душ и что-нибудь поесть. Ты ел?

– Ел, – отвечает он. – Надеюсь, ты придешь и тебя не унесут никакие волки и Честеры.

Губы сами по себе изгибаются в мимолетной улыбке.

– Ничего не могу обещать, – говорю я, поднимаясь.

– Не дразни меня, – просит он.

– Нам нужно поговорить, – вклинивается Луиза, пронзительно глядя на меня.

– Я не хочу.

Прихватив рюкзак, покидаю комнату и ухожу в ванную. Скидываю с себя всю грязную одежду и забираюсь под прохладные струи воды. Помывшись, еще долго стою и думаю, как мне жить дальше? Я должна начать сначала, но сделать это будет достаточно непросто.

Ведь чтобы устроить нормальную жизнь с нуля, я должна отсечь прошлое раз и навсегда.

Глава 6

Уже больше семи часов брожу по городу, с особой тщательностью обследую квартиру за квартирой, и мне удастся найти немного полезного для лечения. Целых три блистера анальгина! Это неслыханная удача. Да, у таблеток уже вышел срок годности, и один из блистеров открыт, но это ничего не меняет – они все так же необходимы. Кроме такой ценности еще удалось раздобыть два эластичных бинта, большой моток ваты, бутылъ антисептика и еще два с неизвестными мне названиями. Надеюсь, Док разберется, что у них там внутри.

В бардачке одной из обследованных машин нахожу карту города и, выбравшись наружу, раскрываю ее. Кусок слева залит чем-то вроде кофе и практически нечитаем. Рассматриваю линии на бумаге, нахожу свое местоположение, всего в квартале от меня больница. Вот туда-то мне и надо. Где можно найти медицинские препараты? Правильно, в больнице.

Скорее всего, оттуда уже вынесли большую часть полезного, но я все равно проверю. Не хочу возвращаться в квартиру, где убили Лею, да и в соседнем доме сидеть и пялиться в стену тоже не буду.

Мне нужно движение.

Мне необходимо вытеснить мысли о тете.

Сворачиваю карту и решаю придержать ее у себя, прячу в рюкзак, закидываю его на плечо, перепроверяю пистолет и

иду в нужную сторону.

Легкий ветер треплет выбившиеся пряди. Тело болит, но я радуюсь этому, дискомфорт отвлекает на себя внимание, и мне сложнее заплутать среди самобичевания.

Уверенным шагом держу путь в сторону больницы святой Франчески, поглядываю по сторонам и стараюсь не думать. Получается с трудом и поэтому я концентрируюсь на том, что вижу, и придумываю к этим вещам истории. Например, вон тот валяющийся велосипед. Сейчас он почти полностью затянут зеленью, но я успеваю заметить его когда-то яркий цвет и корзинку на руле. Им явно владела какая-то миловидная девушка. Она трепетно относилась к розовому велосипеду и возила в корзинке какую-нибудь собачку мелкой породы. Пусть это будет чихуахуа. Они катались по городу, солнце освещало их путь, и они были счастливы и даже не думали ни о чем плохом. Этому не было места. Они просто жили и получали от этого удовольствие. А когда они проезжали мимо вон того здания, девушка всегда обращалась к чихуахуа и объясняла ей, что в нем находится и почему оно окрашено в ярко-желтый цвет.

Вон тот перевернутый внедорожник принадлежал серьезному дядьке, который даже своему отражению в зеркале не улыбался. Он рассекал по городу на огромной машине, нацепив на нос темные очки и совершенно не обращал внимания на милую девушку с собачкой в корзине велосипеда.

Они жили свою лучшую жизнь.

Прежде чем добраться до места назначения придумываю истории еще нескольким людям. Это незатейливое занятие успокаивает, а разворот событий в жизни чихуахуа и вовсе вызывает короткую улыбку. Ведь собака с хозяйкой однажды встретили того хмурого мужика на внедорожнике. Это случилось вон в том уличном кафе и вскоре в жизни хмурого мужчины появилось нечто светлое и дорогое.

Если бы не плачевное состояние мира, то я бы написала их историю. Вот прям как книгу и рассказала другим о том, что даже самые неподходящие друг другу люди могут быть счастливы.

Я настолько углубилась в мысли о своем мнимом писательстве, что уже получаю награду, за самый сахарный любовный роман всех времен и народов.

Дохожу до больницы и морщусь от увиденного. Уйма останков, люди искали здесь помощи и стали заложником заразы. Тут была бойня. Возможно, она случилась в первые дни прихода тумана. Боже мой... Да тут было людское столпотворение. Удалось ли кому-то выжить и сбежать? Увидев перевернутую детскую коляску, поджимаю губы.

За что все это им?

За что нам?

Неужели люди грешили настолько, что кто-то свыше решил устроить ад прямо на земле?

Одна из скорых въехала в угол здания, вторая перевернута недалеко от главного входа. Перешагивая через препят-

ствия, добираюсь до первой скорой, дверь поддается не с первого раза, приходится убрать пистолет, чтобы освободить обе руки. Упираюсь ногой о рядом установленную клумбу и тяну ручку изо всех сил. Когда дверь поддается, я чуть не падаю на задницу. Удержав равновесие, сразу же вынимаю пистолет и заглядываю в карету. К счастью внутри нет тел. Забираюсь и чуть не вскрикиваю от увиденного. Машину не разграбили. Аптечки на месте, инструменты тоже. Собираю все это в кучу и довольная смотрю на добытое.

– Мне все не дотащить за один раз. Лучше позову с собой Риту и Бобби, – говорю я сама себе и киваю. Верное решение. – Такое богатство нельзя оставлять.

С нашим везением, все из найденного точно пригодится.

Хватаю сумку, закидываю ремень на плечо и выбираюсь из транспорта. Закрываю дверь, хотя не думаю, что в городе есть еще кто-то, кроме нас. Но кто знает, подстраховаться и уберечь клад все же необходимо.

Когда возвращаюсь в квартиру, все уже собрались внутри. Как их много. Компания Волка и вовсе занимает половину гостиной, чем их кормили в детстве? Радиоактивной кашей? Все четверо высокие и широкоплечие. Волк единственный со светлыми волосами, остальные брюнеты.

Я врываюсь в самый разгар беседы.

– А почему Волк? Это из-за того, что он весь такой крутой и мощный? – спрашивает Арчи, подперев подбородок кулаком. Парень оперся о высокую тумбу и глядит на блондина

щеньчьиими глазами.

Волк снова сидит в кресле, и в момент, когда Арчи задает свой вопрос, мимика ходячей легенды меняется. Ему что, вдруг стало грустно?

– Не из-за этого, – произносит блондин и переводит внимание на меня. – Одежда тебе к лицу.

Тут же бросаю короткий взгляд на Честера. Нужно вернуть ему куртку, она лежит в соседнем здании, там я предпочитаю оставаться на ночь. Не отвечаю на шутку Волка, нахожу Дока на диване и отдаю находку.

– Там есть неразграбленная скорая, – рассказываю я.

– Сходим потом, – вставляет Арчи, даже не смотря на нас. Он пялится на Волка и тут же спрашивает. – Так а почему Волк? Расскажи. Мне капец все интересно.

Мне, кстати, тоже интересно. Не найдя больше свободного места, устраиваюсь рядом с Доком и чувствую себя студенткой, которая приготовилась к лекции.

Я хочу послушать Волка и понять, что он за человек. Можно ли ему доверять? Он собрался увести нас неизвестно куда и зачем, а я толком с ним не общалась. Момент встречи можно не брать в расчет. Я находилась на грани реальности и плохо помню, что происходило. Точно знаю, что целилась в Волка и не хотела подпустить его к Дилану.

– Если это секрет, то не рассказывай, – замечает Док, потечески строго смотрит на подростка и добавляет: – Арчи у нас без тормозов.

– Это я заметил, – без злобы проговаривает Волк и рассказывает, смотря куда-то в прошлое. – Была в моей жизни великолепная девушка...

– И ты ее любил? – вклинивается Арчи.

Волк смеется, а Док закатывает глаза.

– Нет. На нее нельзя было смотреть как на женщину, она была под запретом, – подмигнув на последнем слове, отвечает Волк.

Арчи хмурится так, будто съел пару лимонов и уточняет:

– Под запретом? В тюрьме что ли сидела?

– В момент, когда я увидел ее впервые, в тюрьме сидел я. – Волк смеется и продолжает, совершенно не обращая внимания на наши ошарашенные лица. – Она появилась на базе и быстро забралась в голову к моему другу. Именно поэтому она была под запретом. Алекс была удивительной, она столько приключений на свою задницу нашла, что даже все и не вспомнить. У нее был питомец, которого она притащила с собой.

– Собака, похожая на Волка? – с сомнением уточняет Арчи. Он, не дослушав до конца, уже додумал финал рассказа, и поняв, что там нет ничего супергеройского, расстроился.

Троица за спиной Волка переглядывается между собой, они будто слышали эту историю не один раз. Чувствую на себе чей-то взгляд и перевожу внимание на Честера, но он снова смотрит в окно.

– Нет. Она волка притащила, – говорит Волк и все мое

внимание снова на его рассказе.

– Да ладно? – недоверчиво спрашивает Рита. Они с Бобби перебирали сумки, но полностью забросили это занятие и, стоя у горы разбросанной утвари, внимательно слушают рассказчика.

Волк делится с нами печальной улыбкой и кивает.

– Этот зверь рос у меня на глазах и оберегал Алекс. Он считал ее вожаком. Это настолько удивительно, но все было именно так. Алекс Брукс приручила зверя. – Волк замолкает и каждый из нас страшится нарушить момент тишины. Он настолько хрупкий и болезненный, что у меня в горле встанет ком. Не нужно быть проницательным, чтобы понять, эта история одна из незаживающих ран Волка. – Он спас мне жизнь, отдав свою. И тогда я понял, что не только Алекс была в его стае, но и я. Если бы не Волк, я был бы мертв.

В полнейшей тишине, я слышу, как шумно выдыхает Арчи.

– О-хре-нетъ, – протягивает он. – И ты сделал тату, типа в знак благодарности? Или что?

– Тату мне сделала Алекс. Это было... так мы вместе с ней попрощались с Волком. Это не была благодарность. Это было... мы запечатлели его облик на мне. Теперь он живет со мной каждый день и до сих пор в какой-то степени спасает Алекс. Я хожу по миру и уничтожаю тварей, повторяю то, что делал Волк при жизни. Смысл этого тату не объяснить, и я сомневаюсь, что кто-то, кроме меня и Алекс, сможет понять

ее необходимость.

- Я бы слушала и слушала, – говорит Рита едва слышно.
- Да. Это было удивительно и в другой жизни, – объясняет

Волк, переводя на нее взгляд.

Какое-то время все молча впитывают информацию. Разглядываю татуировку и замечаю, насколько идеально четкие линии на ней. Не скажешь, что ее набивали как-то подпольно, а не в дорогом салоне.

Меня мучают более насущные вопросы.

- Почему ты больше не живешь на базе? – спрашиваю я.
- Похоже на допрос.
- Это он и есть.

Волк прищуривается, губы изгибаются в улыбке.

- Мне нравится, когда женщина со стержнем.

– Я серьезно. Расскажи причину. Если ты уверяешь нас, что знаешь безопасное место, но ты сам не там, то возникают определенные вопросы. Мы уже пережили многое, и я не готова доверять первому встречному, – говорю все это без злобы и агрессии. Просто факты, с которыми приходится смириться.

– Он вас спас вообще-то, – говорит незнакомец из компании Волка. – Уважения бы прибавить.

– Все нормально, – произносит Волк. – Не доверять полезно в наше время. Я расскажу тебе, почему ушел. Я стал небезопасным для близких мне людей. Произошел инцидент, и я чуть не убил человека.

Вижу, что Волку неприятна эта тема, и больше не давлению. У нас все равно особо нет выбора. Более того Волк дает нам надежду на существование безопасного места. Вопрос заключается лишь в том, все ли мы до него доберемся?

– А имя у тебя есть? Ну, обычное? – спрашивает Арчи, сглаживая атмосферу от моего короткого допроса.

– Было, но я им больше не пользуюсь. Люди нарекли меня Одиноким Волком, и мне это понравилось. Новая жизнь – новое имя.

– И та расскажешь нам, где безопасное место? – допытываюсь я.

– Да, – тут же отвечает Волк.

– Почему? – спрашивает Луиза.

Я даже не заметила, как она вошла в гостиную. Скорее всего торчала у Дилана в комнате.

– Я не просто так взял Арчи с собой на охоту, – признается Волк. – Парень рассказал мне все и про каждого из вас. Мне жаль, что на вашу долю выпало столько испытаний, и я хочу вам помочь. – Он подбирает слова и, найдя необходимые, продолжает: – Периодически я занимаюсь благотворительностью. Вам повезло встретить меня. За время скитаний по миру, я не встречал места лучше, чем девятка. Берите этот шанс на нормальную жизнь. Поверьте, лучшего у вас не будет.

– Арчи, – рычу я. Какого хрена он рассказывает первому встречному о нас?

– Не ругай парня. Именно он убедил меня помочь вам. Я, как и ты, предпочитаю не верить первому встречному, – сообщает Волк.

Он улыбается, и тут начинается галдеж. Все трещат, не останавливаясь. Если быть точнее, то в основном трещит Арчи, он продолжает закидывать Волка вопросами, а тот непридуманно отвечает. Иногда его приятели тоже вступают в диалог, но только не Честер. Он сидит молча и смотрит в окно. Пару раз бросаю туда же короткие взгляды. Что он там увидел? Туман сгустился и ничего не видно.

Луиза снова испарилась, и я знаю, куда именно. Док с восторгом разворачивает сумку и достает оттуда полезные вещи. Рита с Бобби внимательно слушают Волка, а Эрик беседует с мужчиной, который просил меня об уважении.

Жизнь продолжается, более того, несмотря на мою печаль, она кипит как никогда ранее. Все воодушевлены и готовы к подвигам.

Одинокий Волк принес надежду. Теперь у нас не абстрактная цель, а четкие координаты. Подумав об этом, выползаю из мыслей и спрашиваю:

- Как далеко база номер девять?
- Не одна неделя пути, – отвечает Честер.
- Далеко, – замечает Волк. – В какой-то момент, вам придется бросить машины.
- Покажешь на карте? – спрашиваю я.
- Нет, – тут же отвечает он.

– Почему? – удивляется Арчи.

– Я координаты вам не дам, – максимально серьезно отвечает Волк. – Вас проводит один из моих людей.

– Мы и сами можем дойти, – говорю я, не желая, чтобы в нашей команде прибавлялись новички. Еще недавно я сама была такой и бесилась от пренебрежения, а теперь... Меньше людей – меньше потерь.

– Не уверен, – говорит Волк, пристально глядя мне в глаза. – А если доберетесь, то точно не в этом составе.

Сердце сжимается от его слов.

Сколько смертей еще сможет вынести наша команда?

– Почему? – серьезно спрашивает Бобби.

– Это не легкая прогулка. Поверьте, Честер – тот, кто вам нужен. Он знает дорогу, города, которые вам придется пройти, ловушки и прочее. Более того, Зак пустит вас на базу, только если вы придете с ним, – объясняет Волк.

– Зак? – уточняю я.

– Глава девятки.

– Может, ты нас проводишь? – неуверенно спрашивает Арчи. Он совершенно не хочет расставаться с Волком.

– Нет, – резко отвечает тот.

– Почему? – допытывается подросток.

Тень печали снова ложится на лицо легенды, но он дает ответ:

– Я не могу приближаться к дому, иначе захочу там остаться.

– Что ты будешь делать, когда мы пойдем дальше? – спрашиваю я.

Волк возвращает взгляд зеленых глаз ко мне, и хищная улыбка тут же образуется на его губах.

– Охотиться, – с азартом отвечает он.

Глава 7

Волк наблюдал за всеми и прекрасно понимал, что эта компания не такая надежная команда, которой они пытаются казаться. Между ними царит недопонимание, Волк осознавал, чем оно обусловлено. Амурными делами, будь они прокляты. Он быстро провел линии от каждого из присутствующих.

Рита и Бобби единственные, кто в ладу с собой и окружающими. Они не пара и скорее всего никогда ею не будут из-за нерешительности Бобби, но они тепло и бережно относятся друг к другу. И что более важно, они стараются сгладить углы между остальными и наладить нечто похожее на идиллию. Но Волк знал, идиллией тут и не пахнет.

Док и Арчи не в счет, их сердца свободны. А вот остальные... Короткие, но красноречивые взгляды Эрика, выдали его с потрохами, он сохнет по Луизе, а она вроде бы как занята раненым парнем. Но и раненый парень не верен Луизе, Арчи рассказал, что тот долгие годы искал Октавию. И что тут может пойти не так? Да все что угодно. Каждый из самой длинной ломаной линии может предать и тогда всем конец.

Когда он встретил этих людей на улице среди тварей, то подумал, что им недолго осталось. А теперь познакомившись поближе, искренне хотел помочь. Арчи еще совсем сопляк с невероятным запалом, его ждет отличная жизнь, но только

в случае, если он попадает под крыло Зака. Тот сделает из него несравненного бойца.

Доку пора замедлиться в бешеном темпе рухнувшего мира. Волк вообще мало встречал людей преклонного возраста. Дожить до шестидесяти с хвостиком, находиться в постоянной опасности... Волк восхищался стариком и понимал, что тот уже устал и хочет мирного существования. Он вроде бы врач, а врачи на девятке необходимы.

Остальные были молоды и хотели жить. Они были достаточно добрыми, если верить рассказам Арчи, а он много поведал Волку. Даже больше, чем тот хотел знать. На охоте рот парня почти не находился в закрытом состоянии.

Волк перевел взгляд на Октавию. Она сидела в закрытой позе и без малейшего интереса слушала рассказ Арчи про охоту. Ее нужно доставить на базу. Девушка сказала, что твари кусали ее не раз. Она может пригодиться Лейзенбергу. Чудак все ищет спасение, и человек, кусанный разными зараженными, может ему в этом помочь. Не будь Октавия такая ершистая, Волк рассказал бы ей об этом, но она меньше всех верит в его благие намерения, и поэтому Волк промолчал. Честер рассказал ему, что Октавия даже не потеряла сознание, сидя в машине и рыдая от горя. Значит, в ней уже пошли изменения, о которых она не подозревает.

На какое-то время он погрузился в воспоминания о людях, которых оставил, и снова начал на себя злиться. Выстрели он себе в голову, как собирался, его бы уже давно опла-

кали и все продолжили жить дальше. Он спасовал и остался в живых, но все равно принес близким страдания. Особенно Ребекке. Из последнего письма от Алекс он узнал, что Ребекка до сих пор не приняла его уход и продолжает ждать возвращения.

Но он не вернется.

Никогда.

Волк поднялся с кресла и пошел в спальню к Дилану. Все говорят, что он отвечает за всех, и следовательно, именно с ним стоит обсудить пару моментов о переходе до девятки. Волк верил, что их место там. Но не только из-за веры и со-страдания он отправляет эту компанию к Заку, но и для того, чтобы показать близким, *Рэнли еще жив*.

Без стука Волк вошел в спальню, взял стул у входа и протащил его до кровати. Присел и поморщился. Спина у парня явно адски болит.

– Говорят, ты тут главный, – начал он без приветствия и лишних расшаркиваний. У Волка окончательно испортился настрой. Мысли о доме были и благодатью, и пыткой одновременно.

– Они много лишнего говорят, – хрипло ответил парень. – Я Дилан, а ты, видимо, Одинокый Волк.

Волк хмыкнул и кивнул.

– Я благодарен за спасение, – сказал Дилан. – Ты оказался поблизости в самый подходящий момент.

– Ты вообще думал, прежде чем взрывать там все? – спро-

сил Волк, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди.

У Дилана была подвижная мимика, и Волк быстро считал все, что раненый хотел сказать. Он был готов пожертвовать собой, лишь бы спасти Арчи и Октавию. Похвально, но такие герои долго не живут.

– Выбора не было. Нас бы всех разорвали, а так была вероятность спастись хоть кому-то.

Волк глубоко вздохнул.

– Я не думал, что тут есть люди, поэтому погнал тварей сюда, – признался он.

Они разговаривали так, будто уже были знакомы. Ни одному из них не было некомфортно или неудобно. Волк рассказал про девятку и поделился большинством моментов, которые обсуждались за дверью спальни раненого. Более того, он даже немного рассказал о базе и своей роли в ней. Дилан внимательно слушал, потом перенял эстафету и поделился некоторыми моментами своей жизни.

Удивительно, но они понимали друг друга с полуслова, будто давно потерянные братья.

– Я отправлю с вами Честера, – сказал Волк. – Он покажет более оптимальный путь.

Несмотря на дружелюбие беседы, Дилан понимал, что просто так никто ничего не делает, даже если этот кто-то ожившая легенда.

– Что мы должны будем сделать взамен? – прямо спросил

он.

– Я напишу письмо, передай его Алекс Келлер. И никому другому, – с нажимом добавил он.

– Она точно будет там? – уточнил Дилан.

– Да, – с мягкой улыбкой, полной ностальгии ответил Волк.

– Будет сделано, – пообещал Дилан.

– Док говорит, что тебе нужно еще хотя бы пять дней без движения.

– Выдвигаемся через три, – сообщил Дилан и решился на более важную часть разговора. – У меня есть вопрос. База номер девять сотрудничает с базой номер двенадцать?

Волк нахмурился и уточнил:

– Ты был на двенадцатой?

– Да.

– Ага. И чего ушел?

Пару мгновений тишины начали нагонять тучи.

– Немного пошел против системы, – увильнув от прямого ответа, сказал Дилан.

– Подробнее? Я должен знать, кого отправляю к себе домой.

База номер двенадцать находилась слишком далеко от девятки, и пока Волк еще не стал Волком, то общения между ними практически не было.

– Убил человека, угнал корабль, нарушил еще пару законов. Пару десятков законов, – нехотя добавил Дилан.

Волк лишь улыбнулся и сказал:

– Вероятно, ты заменишь меня на девятке.

– Не понял.

– Не бери в голову. – Отмахнулся Волк. – Просто скажи это Заку, он поймет. Не факт, что будет рад, но точно поймет.

Они проговорили еще три часа. Оба не заметили, как прошло время. Они непринужденно рассказывали друг другу о своей жизни. Что сподвигло их на такую откровенность? Кардинально разные судьбы? Дилан никогда не чувствовал себя частью семьи, но в тайне очень хотел этого. Волк же, наоборот, был окружен родными людьми, но в итоге оставил их.

Две стороны одной избитой медали.

– Тебе нужно что-то решить с обстановкой в команде, – в какой-то момент сказал Волк.

– О чем ты? – не понял Дилан.

– О любовных делах. У вас с этим полный бардак, того и глядишь, кто-то кому-то воткнет нож в спину. – И более серьезно добавил: – Нужно четко понять, кому ты можешь доверять.

– Доку, Октавии и Арчи, – быстро ответил Дилан.

Октавию он знал большую часть своей жизни. С Доком они практически с самого начала конца света. Арчи ему вообще как племянник. Он и остальным доверял, но не на сто процентов. У Дилана с детства не сложилось теплых отношений с доверием. Слишком часто его предавали те, кто дол-

жен был оберегать и находиться рядом. Его отдавали из семьи в семью, как надоевшую, вышедшую из моды мебель.

– Парень классный. Док забавный. Октавия... специфичная, – подобрал слово Волк.

– Особенная, – поправил Дилан.

Волк прищурился и мысли унесли его в далекое прошлое, когда он сам осознал, что в его жизни появилась *особенная* девушка. Ребекка была его вызовом. Он его принял и безбожно проиграл.

– Если она для тебя особенная, то не проси свой шанс, – только и сказал Волк, поднимаясь. Внезапно он потерял интерес к разговору. Хотел уйти и побыть в одиночестве. – Слушай Честера, он приведет тебя куда нужно.

Дилан еще раз поблагодарил Волка, но тот не ответил, он уже шастал по лабиринтам воспоминаний и понимал, чего лишил себя навсегда. Ведь особенная встречается лишь однажды. Так ведь?

Глава 8

Сон прерывает чье-то бормотание, но я не спешу открыть глаза, потому что сразу понимаю, речь идет обо мне.

Я настолько вымоталась перетаскиванием медицинских приспособлений, что уснула прямо в гостиной, где Лею лишили жизни. Отключилась, сидя в кресле, хотя собиралась уйти в соседнее здание. Мне ненавистна эта квартира, глядя на любую часть гостиной или коридора, я моментально вспоминаю худший день в своей жизни.

Разговор ведется между Бобби, Ритой и Луизой.

Так как не открываю глаз, не могу понять, сколько еще человек находится в помещении.

– И что ты предлагаешь? – спрашивает Бобби. По тону его голоса вообще сложно понять, что он чувствует. Только Шерстяному удавалось вызвать непринужденную улыбку здоровяка. В остальное время его мысли надежно скрыты под маской отстраненности.

– Мы не можем из-за нее рисковать, – говорит Луиза немного громче шепота. – Если он вернется, и из-за нее еще кто-нибудь умрет? Вы хотите потерять еще кого-то?

Сердце сжимается, а злость клокочет в горле. Хочется закричать, что не я виновата в гибели Леи, но я, как и все остальные, знаю, что это не так.

Моя вина.

– Кай сбежал, – напоминает Док.

Значит в гостинной нас как минимум пятеро.

– Он преодолел сотни километров, думаешь, он так просто сдался? – не унимается Луиза.

Возможно, она хотела поговорить со мной об этом, а может, о том, что Дилан дал ей от ворот поворот. Ни о чем из вышеперечисленного я разговаривать не хочу, но и больше притворяться спящей не собираюсь. Я уже слышала достаточно. Луиза настраивает против меня остальных членов команды. У нее есть несколько мотивов, чтобы желать моего исчезновения, но ей не повезло, ведь исчезать я не планирую.

Несмотря на скорбь и упадок сил, я не готова опустить руки и сдаться. Я не стану живым трупом, которому плевать, что с ним станет.

Я буду жить.

Дойду до чертовой базы номер девять и попробую начать все сначала.

И никакая Луиза и ее планы на мой счет не помешают.

Открываю глаза и натыкаюсь взглядом на четыре спины. Они подумали, что если отвернутся от меня, тогда я не услышу их заговоров?

В данную минуту происходит показательный момент.

Во-первых, я так и не стала полноправной частью их команды. Будем честны, я и не очень старалась. Не шла на диалоги, не предлагала помощь никому, кроме Дилана. И то это

было обусловлено моим желанием сбежать от Леи и ее разговоров с призраком Мишель.

Во-вторых, спиной к Луизе я больше никогда не повернусь. Уверена, она будет носить в кармане метафорический нож, который рано или поздно вонзится мне между лопаток.

– Он вернется, – спокойно говорю я, желая ввести присутствующих как минимум в состояние стыда. Пусть знают, я слышала, как они перемывали мне кости.

Все оборачиваются. Док пристыженно опускает взгляд в пол, Рита поджимает губы, Бобби передергивает плечами, и только Луиза уверенно смотрит мне в глаза.

Она хотела, чтобы я услышала.

– Могли бы обсудить меня в другой комнате, – говорю я, принимая более ровное положение.

– Гостиная – место общего пользования, – замечает Луиза.

Она мне все же не нравится. Не из-за того, что она спала с Диланом. Просто не мой человек. Ядовитая гарпия.

– И что ты предлагала сделать со мной, чтобы обезопасить себя? – интересуюсь я, не отводя от Луизы холодного взгляда.

В районе груди все стягивает. Неприятно.

– Я не о себе переживала, а об остальных. Ты видела спину Дилана? Дока чуть не убили. Это из-за тебя. Сама это знаешь, – заканчивает Луиза, приподняв подбородок.

Ее слова оседают на подкорке.

– Из-за взрыва, – произносит холодный голос за моей спиной.

Честер. Он что, постоянно сидит в том темном углу? Даже не оборачиваюсь, чтобы поблагодарить его за поддержку. Я о ней не просила. Более того, я сама в силах справиться с Луизой. Она не такой страшный противник, мне попадались куда опаснее.

– Но взрыва бы не было, если бы не она, – с неприкрытой злостью произносит Луиза.

Я же разглядываю ее лицо и не понимаю, как относиться к этой вспышке ярости. В какой-то степени я понимаю ее злость. Любимый человек Луизы пострадал. А с другой стороны, я не позволю давить на себя. Она знает, что сейчас я уязвима и меня можно победить словами. Но Луиза не в курсе, что я уже договорилась сама с собой и буду бороться за жизнь до последнего.

– Ты так и не сказала, какой выход нашла, – напоминаю я.
– Что нужно сделать со мной, чтобы обезопасить тебя?

Грудь Луизы быстро поднимается и опадает. Она будто пробежала марафон, а я встретила ее на финише и начала закидывать вопросами.

– Я предлагаю тебе остаться.

– Исключено, – говорит Честер, на что мне хочется закатить глаза.

Оборачиваюсь к нему и встречаюсь с темными глазами.

– Я сама могу за себя постоять, – говорю я, сбавив голос,

хотя мои слова все равно слышат все присутствующие.

– Не сомневаюсь, – говорит он.

– Тогда не лезь.

На это он не отвечает, и я снова переключаюсь на Луизу. Она уже успела отойти от марафона и восстановила дыхательную функцию.

– Я вынуждена отклонить твоё предложение, но ты сама можешь остаться в этом городе, а мы пойдем на базу номер девять, – спокойно, с чувством, будто в моих жилах течет королевская кровь, говорю я.

Луиза открывает рот, но ни единого слова не вылетает из него. Захлопнув его, она сжимает пальцы в кулаки и, нахмурившись, все же выдает:

– Мы знаем тебя без году неделю. Я не могу полагаться на тебя.

– Как и я на тебя.

– Ты бросила родную тетю и побежала, хотя она поймала твою пулю! – орет Луиза.

Меня охлаждает ушат ледяной воды.

Сначала слова Луизы звучат просто больно, а потом я составляю их в определенное предложение.

Что она только что сказала?

И тут я поднимаюсь. Теперь мое дыхание кто бы успокоил. Я даже не могу подобрать слов.

Луиза бегло осматривает мое лицо, остальных я не вижу, все внимание сосредоточено на девушке, которая прогово-

рилась.

– Откуда ты знаешь, что я побежала? – спрашиваю я, не узнавая собственный голос.

Луиза тушуетя и непроизвольно делает шаг назад. Перевожу взгляд от нее на остальных и никто из них не смотрит мне в глаза.

Никто!

– Ты видела, как я бежала, – без намека на вопросительную интонацию произношу я.

Ноги сами ведут меня к Луизе. Они ватные и движутся медленно.

– Видела, – выплевывает она.

Срываюсь с места и бросаюсь на девушку, как одичавший зверь. Мы обе валимся на пол. Я даже не знаю, что буду с ней делать, руки сами смыкаются на ее шее, и я давлю. Давлю, что есть силы. Она хватается за мои запястья, пытается оторвать пальцы от своей плоти, но я как клещ, меня так просто не снять.

Ярость и злость полностью захватывают меня. Душу Луизу, а перед глазами только пелена.

Она была где-то рядом!

Луиза все видела и не помогла!

Даже не попыталась!

Сука!

Кто-то одним рывком стаскивает меня с Луизы, она садится и, кашляя, хватается за травмированную шею. Как жаль,

что я ее не сломала. Не добавила.

Вырываюсь из захвата и оборачиваюсь. За спиной стоит Честер.

– Какого хрена ты лезешь? – злюсь я.

Ему вообще плевать на мой вопрос, он задает свой.

– Ты сказала, что тот мужик вернется?

– Что? – не понимаю я.

– Тот, что убил твою родственницу и пытался унести тебя.

Ты сказала, что он вернется.

К чему он говорит про Кая? Сейчас речь вообще о другом. О суке-Луизе, которая могла бы помочь, но не помогла.

– Вернется, – бросаю я, глянув на Луизу.

Рита присела возле гадюки и что-то шепчет ей на ухо. Луиза с ужасом глядит на меня. Док закопался пальцами в седые волосы и сжал их. Бобби смотрит на Честера.

– Что ты будешь делать? – спрашивает тот, кто помешал мне совершить убийство.

– Бежать, – моментально выдаю я, даже не обдумав какие-то иные варианты.

– Скверное решение.

Кто вообще использует такие словосочетания?

Отрываю взгляд от «команды» и возвращаю его к Честеру. Приходится задрать голову, чтобы заглянуть в черные глаза.

– А какое предлагаешь ты? – спрашиваю я, до сих пор не совладав с дыханием.

– Если ты готова убить его, тогда хватит быть жертвой и

сбегать. Найди его и реши проблему.

Слова Честера ставят меня в тупик. Растерянный взгляд бегаёт по его невозмутимому лицу. Честер будто предложил мне попить воды, а не убить человека.

– Как я его найду? – спрашиваю я.

– Я один из охотников Волка. Найду кого угодно и где угодно.

Я опешила настолько, что не могу ничего сказать. Я никогда раньше не думала в этом направлении. Я всегда только бежала, а теперь есть возможность напасть на след и переречь прошлое.

– Ты точно его найдёшь? – спрашиваю я, пока противоречия раздирают внутренности.

– Да.

Слышу за спиной всеобщее негодование, но оно относится не к нашему с Честером диалогу, а к Дилану, который стоит в дверном проеме спальни и слишком серьёзно смотрит на меня.

Когда я встречаю его взгляд он выдаёт одно строгое:

– Нет.

Вместо спора, ведь я ещё не приняла решение, спрашиваю:

– Ты знал, что Луиза видела, как убили Лею?

Пожалуйста, пусть Дилан был в неведении, как и я.

Его взгляд немного смягчается, когда он просит:

– Зайди в комнату, нам надо поговорить.

Этого достаточно, чтобы я смогла сложить два и два.

Дилан знал и ничего мне не сказал.

– Ты знал, что Луиза могла изменить ход событий и тогда Лея, вероятно, могла бы выжить? – давлую я, чувствуя, как ком в горле нарастает с каждым вдохом.

– Октавия...

– Ответь мне, – растерянно прошу я.

Дилан глубоко вдыхает, я вижу, что ему тяжело стоять, он ухватился рукой за косяк, но с каждой секундой его тело наклоняется вперед.

– Не глупи, – тихо просит он. – Не ходи за Каем.

– Это только мое решение, – холодно произношу я, хотя внутри взрывается петарда чистой злости.

Дилан знал и не сказал...

– Октавия, – начинает он, но я не слушаю, разворачиваюсь, хватаю свой рюкзак и ухожу из квартиры, чтобы закрыться в соседнем здании и подумать обо всем, что только что узнала.

Дилан прикрыл спину Луизы и не рассказал мне правду.

Честер предложил убить Кая.

Я так и не стала частью команды.

Кроме прочего, я душила Луизу. Не думала, что способна на подобные вспышки агрессии. Я будто перестала сама себе принадлежать и стала другим человеком. Если бы Честер не оттащил меня, то не уверена, что смогла бы остановиться.

Обида осадком опускается в сердце и распускает там тем-

ную паутину недоверия.

До трех ночи сижу у окна и смотрю в туманную темноту. Брожу по лабиринтам мыслей и не могу унять злость. В итоге принимаю решение, за которое законопослушный гражданин отрекся бы от меня навеки, если бы я сама от него не отказалась.

Глава 9

На часах начало четвертого. Солнце еще даже не собирается явить себя миру, а я все так и не могу уснуть. Думаю о том, что счастье сегодняшнего дня заключается в одном – Дилан не пришел ко мне. Хорошо, иначе скандала было бы не избежать. Я себя отлично знаю, не умею хранить обиду на близких, мне необходимо высказаться и расставить все точки над «і». Когда случались недопонимания с папой или мамой, я всегда первой шла на контакт и высказывала свою точку зрения, выслушивала их и понимала, что если этого не сделать вовремя, то ничего хорошего не выйдет. Нельзя хранить в себе эту чернь, она разъедает даже самые крепкие отношения.

А какие отношения между мной и Диланом сейчас?

Я точно могу сказать, что он мой самый близкий человек на земле, и именно из-за этого сокрытие информации про Луизу отдается сильнее, чем от Дока, Риты и всех остальных вместе взятых.

Но я не могу представить, что Дилан может мне сказать, чтобы я поняла его. Мыслей по этому поводу ноль. Чертова Луиза видела все, что происходило и не удосужилась помочь. Она не предприняла ни одной попытки.

Все могло пойти по другому сценарию.

Не факт, что было бы лучше, но я этого уже никогда не

узнаю, потому что Луиза решила выждать и убраться меня чужими руками.

И я действительно так считаю.

У нее не получилось убить меня с помощью Кая, и теперь сучка строит козни и при этом даже не пытается делать это как подобает: за спиной, в темных переулках и при минимальном количестве присутствующих. Нет, Луиза ждет, чтобы я сама расклеилась и сдалась. Ушла в сторону и оставила команду раз и навсегда. Тогда ее руки будут абсолютно чисты, а я за бортом их корабля.

Хрен ей.

Луиза давит на безопасность команды, желает, чтобы все отвернулись от меня из-за психа Кая. Что ж...

Бросаю косой взгляд на черную куртку, отличный предлог найти Честера и согласиться на его предложение.

Уверена ли я, что смогу убраться Кая, если найду его?

Да.

Я сделаю это и не буду мучиться угрызениями совести.

Как бы мне не хотелось соглашаться с Луизой, но она права – Кай вернется. Он не отступит, снова попытается забрать меня и может причинить вред остальным. Так же я не отрицаю вероятность, что в следующую попытку, он даже не будет пытаться выкрасть меня, а просто убьет на месте.

Пора перевернуть ход игры.

Пока не передумала, хватаю куртку, фонарик, пистолет и покидаю квартиру. Быстро сбегая по лестнице и выхожу из

здания. Прохлада ночи дает о себе знать, ежусь, но сразу же направляюсь к соседнему дому. Фонарик едва подает признаки жизни, батарея садится. Свет пару раз мигает и гаснет полностью. Останавливаюсь, чтобы побить фонарик по ноге, но даже эта экстренная мера не помогает возродить его.

– Черт, – едва слышно ругаюсь я.

– Его там нет, – говорит Волк, напугав меня до полусмерти.

Роняю фонарик, стекляшка, охраняющая лампу, отлетает, а я быстро достаю пистолет и направляю дуло в гущу тумана. Рефлекс срабатывает быстрее, чем я могла предположить. Опускаю оружие, когда Волк выходит из тьмы.

– Я могла выстрелить, – говорю я, пытаюсь избавиться от остатка испуга.

Волк лишь ухмыляется, и приподняв брови, сообщает:

– Но не попала бы.

– С чего такая уверенность? – спрашиваю я, убирая оружие за пояс джинсов. Перехватываю куртку, которую тоже чуть не выбросила вслед за фонариком.

Волк продолжает мягко улыбаться.

– Я жил среди военных большую часть своей жизни, – расслабленно рассказывает он. – Выходил на полигон с лучшими из лучших. Отлавливал худших из худших. Знаю, как держит оружие солдат. Знаю, как держит оружие неумеха.

– Я умею стрелять, – убеждаю я.

Волк морщится так, будто ему больно от моих слов, имен-

но поэтому он бросает в меня свои:

– Умеешь снимать с предохранителя и нажимать на спусковой крючок – это да. Ты не целишься, а просто направляешь пистолет в нужную сторону. И если мишень меньше слона, то скорее всего ты... промахнешься.

Так и есть. И как я собралась убить Кая? Если будет нужно, подойду на расстояние вытянутой руки или вовсе придушу гаденыша и тогда мое неумение пользоваться пистолетом продолжит быть тайным.

– То есть, в момент нашей первой встречи, ты знал, что тебе ничего не грозит? – спрашиваю я.

Я очень смутно помню нашу первую встречу. Она будто происходила во сне при температуре около сорока. Все смазано и нереалистично.

– Да. Я бы успел увернуться, – самонадеянно произносит Волк и снова дарит мне улыбку. И только сейчас я замечаю, что все эти улыбки не касаются его глаз. Проявление дружелюбия, открытость и показной флирт: все это привычное движение мимики, а не состояние души.

Получается, в тот раз я выглядела не утрашающе. Ладно. С кем не бывает?

Вспомнив слова, которые Волк сказал мне ранее, уточняю:

– *Кого* там нет?

– Честера, – тут же отвечает он.

– Почему ты решил, что я ищу именно его? – с подозре-

нием спрашиваю я.

Волк начинает загибать пальцы и перечислять:

– Куртка. Недавний разговор в гостиной. Моя невероятная интуиция.

Откуда он вообще знает про разговор в гостиной? Его там не было. Уже птичка на хвосте принесла? И кажется, я даже знаю имя этой говорливой птицы. Арчи, чтоб его язык прирос к небу хотя бы на час. Парень вообще не заботится о том, что и кому говорит.

– Логично, – выдавливаю я. – И где он?

– В квартире напротив твоей.

Хмурюсь и ежусь, но уже не от холода.

– Какого черта он ходит за мной? – серьезно спрашиваю я.

– Я попросил. Остальные держатся вместе, а за тобой надо присматривать.

– Не надо. Я сама по себе.

Произнеся это, чувствую горечь на языке.

Одна. Ни Мишель, ни Леи, ни Шерстяного.

– Не командный игрок? – спрашивает Волк, склонив голову набок. Он внимательно вглядывается в мое лицо, становится неуютно и зябко. Опустив взгляд на разбившийся фонарик, выдаю правду:

– Я без понятия, какой я игрок.

Волк пожимает плечами и облокачивается о кирпичную стену. Он с интересом разглядывает меня и говорит:

– Ты прожила в условиях апокалипсиса больше семи лет.

Выбралась с острова. Не умеешь стрелять. Плохо крадешься, тебя слышно чуть ли не за километр.

– И?

– Я тоже не понимаю, что ты за игрок. Возможно, ты везучая, но в любом случае тебе нужна команда.

– Везение обходит меня стороной и лишь изредка дает о себе знать, – устало говорю я.

– Не согласен, но переубеждать не буду.

– Славно, – выдыхаю я.

Спорить с кем-то сейчас это последнее, что мне нужно. Я не спала, голова полна противоречивых мыслей, и все это играет со мной злую шутку. Сейчас мною будет проигран любой спор.

– Хочешь правду, которую тебе больше никто не скажет? – неожиданно спрашивает Волк.

Концентрируюсь на его лице и киваю в знак согласия.

Волк отходит от стены и поднимает взгляд на окно четвертого этажа, в котором плещется едва уловимый свет от свечей. Голос легенды становится серьезным и прохладным:

– Они нужны тебе больше, чем ты им. Не забывай об этом.

Прослеживаю за его взглядом и обхватываю себя руками. Я не вижу, что происходит за стеклом, но воображение рисует идеалистическую картину. Бобби и Рита о чем-то мило воркуют. Док и Арчи опять спорят, но в их словах нет негативного подтекста. Эрик снова витает в своих мыслях и не приглашает никого взглянуть на них. А Луиза выхаживает

Дилана. Все при деле.

– Ты прав, – произношу я.

– Но ты нужна одному раненому человеку и поэтому все смирятся с твоим присутствием. Пройдет время и даже Луиза перестанет вынимать коготки.

Недоверчиво смотрю на Волка, он лишь улыбается. Снова поднимая взгляд на окно.

А нужно ли мне их смирение?

Как же сложно с людьми. У всех свои характеры, мотивы и устремления. Пока меня и команду Дилана связывает желание найти базу номер девять, мы можем попытаться ужить-ся под одной крышей, но к этому вопросу я вернусь только после расплаты с Каем.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но неожиданная мысль выглядывает из-за угла, и приходится остановиться. Смотрю на расслабленное лицо Волка и решаюсь.

– Ты помогаешь всем людям? – спрашиваю я.

– Нет. Только тем, кто мне понравился.

Мнусь не дольше пары секунд и, взглянув в неестественно зеленые глаза, говорю:

– У меня есть просьба.

Брови Волка взлетают от удивления и моей наглости.

– Думаешь мы настолько близки? – спрашивает он.

– Нет, – тут же отвечаю я.

– Это была шутка. Я тебя слушаю.

– Недалеко есть город, мог бы ты решить некую проблему,

связанную с его жителями?

Волк даже не скрывает заинтересованность.

– Что за город? Что за проблема? – уточняет он и теперь-то я вижу блеск в его глазах. Вот он азарт и истинные эмоции.

Рассказываю ему про людоедское место. Обрисовываю маршрут, говорю, что смогу показать место на карте, если она у него вообще имеется. Волк слушает меня с непроницаемым выражением лица и сверкающим взглядом. Не перебивает ни разу, а в конце рассказа грязно ругается.

– Ты можешь решить эту проблему? – с надеждой спрашиваю я.

– Да.

Не уточняю, как он это сделает, потому что не хочу знать ответа. Надеюсь, там камня на камне не останется. И все людоедские головы поулетают со своих мест.

– Фанатики – самое страшное, что придумал людской разум, – говорит Волк. – Они ведь внушили себе, что так правильно, и никакие разговоры и даже пытки не смогут вернуть их назад. Они перешли красную черту.

– Красную черту? – уточняю я.

– Так я называю рубеж, переступив который люди перестают иметь право называть себя людьми. Их ждет кара.

– Небесная?

– Или адская. Постараюсь доставить их туда в ближайшее время, – обещает Волк, и мне становится немного легче.

Сколько они уже погубили? А сколько убьют в будущем?

Смотрю на Волка совершенно по-другому. Ему реально не плевать на людей.

– Я жила в городе фанатиков, понимаю, о чем ты говоришь, – вспоминаю я. – В Луче все верили в Барона, хотя никто никогда его не видел.

Волк хмыкает и бросает:

– Он давно мертв.

– Ты видел Барона? – в изумлении спрашиваю я. Неужели и он тоже существует в реальности, а не только в умах рехнувшихся жителей Луча?

– Можно и так сказать, близко знаком с его дочерью, внуком и... племянницей или сестрой вроде бы. Там очень сложные семейные связи, без алкоголя и Алекс не разобраться.

– Я была уверена, что Барон – выдумка.

Волк отрицательно качает головой и рассказывает:

– Барон – вполне реальная личность. Его культ был огромным, и некоторые точки продолжают ехать по старым рельсам, несмотря на то, что мужика уже давно черви съели.

– Женщины в культе Барона неправы, – замечаю я.

– Ненавижу, когда обижают женщин. Вас же нужно просто любить.

– С этим спорить не собираюсь, – с улыбкой говорю я и ловлю себя на том, что мне комфортно разговаривать с этим человеком. – А ты что здесь делаешь? Ночь на дворе.

– Наутро меня здесь уже не будет, – монотонно отвечает он.

– И ты решил уйти не попрощавшись?

– Я попрощался с Диланом, отдал ему конверт для Алекс.

– А с остальными? – допытываюсь я.

Волк задумывается всего на миг и говорит:

– Я не сторонник долгих прелюдий или прощаний. Они должны быть в меру и всем приятны.

Сложно с этим поспорить.

– Значит утром мы тебя не увидим?

– Нет, – моментально отвечает он.

Протягиваю ему правую руку и говорю:

– Спасибо, что спас нас и рассказал про девятку.

Волк пожимает мою ладонь и, кивнув, говорит:

– Цените девятку. Лучшего места на земле нет и не будет, – с мимолетной печалью произносит Волк.

Я буду ценить безопасное место и обещаю жить по его правилам.

Забираю ладонь, киваю Волку и ухожу.

Темнота и туман обволакивают, когда оборачиваюсь, Волка уже нет на месте, где я его оставила. Удивительный человек. Не думаю, что кому-нибудь когда-нибудь удавалось разобраться с его внутренним миром. Что-то мне подсказывает, что он живет в вечном хаосе и сам не знает, чего хочет от завтрашнего дня. Кроме охоты. Да, вероятно, это единственное, что заставляет его кровь стремительнее бежать по

венам.

В крошечной тьме возвращаюсь к квартире, которую заняла и поворачиваюсь к ней спиной. Не решаюсь сразу же зайти на территорию Честера. Я пришла согласиться на его предложение, хотя вообще не знаю, кто он такой. Что это говорит обо мне, как о человеке? Вероятнее всего, я поехала рассудком, но что поделать, если я больше не желаю сбегать от Кая и прошлого, которое он олицетворяет? Правильно, пора посмотреть страху в глаза и победить его. Либо проиграть, этого варианта я так же не исключаю. Но и не боюсь.

Надо было расспросить Волка про Честера. Печально, что я не подумала об этом десять минут назад. Вероятно, Волк уже пустился в путь, и я его больше никогда не увижу.

Поворачиваю ручку и толкаю дверь, она не заперта, поддается сразу же. Тихий скрип заставляет нахмуриться, я же ни разу не слышала, чтобы дверь скрипела. Как Честер выходил и заходил? Через окно? Сквозь стену?

Вхожу в темную квартиру, не прикрываю за собой дверь, потому что есть вероятность, будто мне придется бегом унести отсюда свою задницу.

По телу пробегает холодок. Хочется развернуться и уйти, но я остаюсь. Лучше я пойду по следу Кая, чем он по моему. – Честер? – тихо зову я.

Ответа нет.

Прислушиваюсь, как могу, но в квартире царит мертвая тишина. По рукам пробегают мурашки, я будто стою перед

опасностью, но не вижу ее.

Может, это не та квартира?

Медленно отступаю назад. Шаг. Еще один и... упираюсь спиной в дверь. Какого черта? Я ведь ее не закрывала.

Ужас проходит по рукам и позвоночнику, собирается в районе живота. Внутренний голос вопит во всю глотку: «Беги!»

– Не люблю сквозняк, – говорит Честер и чиркает спичкой. Маленький огонь тут же разгоняет мрак, но на небольшом расстоянии.

Честер стоит справа от меня. Решительность и настрой камнем рухнули в пятки и придавили ноги к полу.

– Как ты здесь оказался? – спрашиваю я едва дыша.

Он лишь на пару миллиметров приподнимает брови.

– Зачем пришла?

– Куртку отдать.

– Спичка догорает.

Бросаю взгляд на огонь и сглатываю.

– Вижу, – произношу я. – А у меня что – есть время только пока горит спичка?

– Да. Говори.

Моему приходу он точно не рад.

Решаю не тянуть и быстро выдаю:

– Я согласна.

– На что?

– Помоги мне найти Кая, – прошу я.

– Хорошо, – говорит Честер, и спичка гаснет.

Через пару секунд я уже стою за дверью и непонимающе таращусь на нее. Что это было? Один из самых странных диалогов в моей жизни. Почему у меня было время говорить, только пока горела спичка? И самое главное, куда я вообще ввязываюсь?

И только вернувшись к себе в квартиру, понимаю, что я так и не отдала чертову куртку.

Глава 10

Еще сорок минут назад я сидела на холме в компании куста диких роз и пыталась поговорить с Леей. Отчего-то невыспавшийся мозг решил, что я должна сообщить ей о своих намерениях. Я рассказала про планы на Кая и при этом не чувствовала, что мой поступок неправильный. Я обещала Лее, что отомщу за нее, хотя она об этом никогда бы не попросила.

Я не уберегла ее, но смогу отомстить.

Даже в мыслях это звучит максимально эгоистично и неправильно. Смерть Кая нужна мне, а не Лее. Не получив от тети никакого знака, я покинула место захоронения и вернулась в город, который безвозвратно отнял часть моей потрепанной души.

Сейчас же я поднимаюсь в квартиру, нужно сообщить Дилану о том, что ухожу на несколько дней. Заранее знаю, как он отреагирует, и первым порывом было уехать без предупреждения, но слова Волка быстро вернули меня на землю. *Они нужны мне больше, чем я им.* Да уж. Правда не всегда звучит переливом колокольчиков, иногда бьет наотмашь.

Не хочу делать что-либо за спиной Дилана. Он единственный дорогой человек, что у меня остался. Я буду относиться к нему так, как хочу, чтобы он относился ко мне. Казалось бы, это настолько банальная мысль, но я постоянно забываю

об этом и начинаю перетягивать одеяло на себя, заботясь о собственном эмоциональном состоянии.

Узнав про бездействие Луизы, я даже не попыталась поставить себя на место Дилана, я просто... сорвалась. Хорошо, что вовремя ушла и не наговорила того, о чем бы сейчас сожалела.

Войдя в квартиру, первым вижу Арчи, он спит на диване, запрокинув голову и открыв рот. Даже во сне не закрывается.

На звук моих шагов из кухни выглядывает взъерошенный Док. Увидев меня, он тут же расслабляет плечи.

– Привет, – здоровается он, продолжая вглядываться в мое лицо. Не знает, чего от меня ожидать? Доку моих истерик не достанется.

Из-за неудачного удушения Луизы теперь все будут смотреть на меня, как на человека со слабой психикой, будут ожидать нападения? Это была мгновенная вспышка ярости, в былые времена меня бы оправдали, назвав произошедшее – она была под состоянием аффекта.

– Где все? – спрашиваю я, надеясь, что в квартире нет Луизы. Я не готова ее видеть, желание придушить сучку по-прежнему маячит в мыслях.

– Дилан в кровати, Арчи вот, остальные ушли поискать топливо. Волка и его охотников я еще не видел, – отвечает Док. Не слышу в его речи былой легкости. Кажется, что он разочарован моим поступком. Или я придумываю то, чего нет, и старик просто вымотался.

– Они ушли, – сообщаю я. – Все, кроме Честера. Он сейчас стоит на выходе из здания и ожидает меня.

Док поджигает губы и тяжело вздыхает. Кивнув на рюкзак, спрашивает:

– Далеко собралась?

Смысла скрывать нет, поэтому я моментально отвечаю:

– За Каем.

– Черт, – ругается Док и взъерошивает и без того растрепанную седину. – И ты скажешь об этом Дилану?

– Думаю, он должен знать, – устало произношу я.

Как же хочется спать. Физически я совершенно не готова к преследованию, а морально – больше не могу находиться в этом городе и уж тем более в данной квартире. Она идеально подходит для команды, из окна хороший обзор на вход в здание, а в случаях отсутствия тумана и на огромную часть улицы, из кранов течет вода, комнат много, чтобы все могли расположиться с комфортом, но ничто из этого не может заставить меня остаться здесь. Уверена, команда даже не подумала переселиться в другое место ради моего спокойствия. Дилана я в счет не беру, он физически не может съехать. И все равно... если бы у кого-то из них случилось подобное горе, то никто не остался бы в месте, где жестоко отняли жизнь дорогого человека. Данная ситуация равносильно мерзкая, если бы Арчи предложили отобедать за столом людоедов, которые разделали Элеонору, как тушку индейки. Как бы я не пыталась отгородиться от мыслей о Лее, они полностью не

исчезают. Остается надеяться, что устранение Кая, ослабит душевную боль.

Док тяжело вздыхает и опускается в кресло.

– Ага, тут ты права, – в итоге выдает он.

– Я за вашей спиной действовать не собираюсь, – говорю я.

Док вскидывает на меня взгляд, и его лицо выражает скорбь.

– Дилан не хотел, чтобы ты знала про Луизу, чтобы не трепать тебе нервы лишний раз. Он запретил нам говорить и пообещал, что расскажет все позже и сам. И Луиза не должна была ничего говорить. Понимаешь?

Что мне на это ответить? Я без понятия. Решение Дилана может быть оправданным, но в моменте мне было больно. Ощущаю себя мишенью в дешевой забегаловке, каждый пришедший так и норовит бросить в меня дротик. По теории вероятности, некоторые из снарядов долетают и бьют прямо в цель. Многострадальная мишень не может этого не чувствовать.

– Это неважно, – бросаю я. Отвожу взгляд от Дока. На него больно смотреть. – Сделанного не воротишь...

– Важно, – перебивает Док и соскакивает с кресла. Хватает меня за руку и заставляет посмотреть в глаза. – Он переживает за тебя. Вчера пытался пойти за тобой, Эрик его останавливал, и швы разошлись. Дилан не может рассудительно реагировать, когда дело касается тебя. Понимаешь?

Сейчас он тоже не даст тебе уйти и... И... я пойду с тобой в комнату, ведь если он опять начнет активно дергаться, то ничем хорошим это не кончится. Пожалей его. Прошу тебя, пожалей.

Я хотела поговорить с Диланом наедине, но не могу отмахнуться от старика. Не питаю к Доку негативных эмоций и знаю, как он переживает за друга. Кто я такая, чтобы не пускать его в комнату Дилана? У меня на это нет ни малейшего права. Более того, я не хочу, чтобы Дилан причинял себе лишнюю боль.

– Ладно, пойдем со мной, – сдаюсь я.

Док немного мнется, хмурит брови и тихо просит:

– Только не рассказывай Дилану, что я просил его пожалеть.

– Не расскажу, – обещаю я и сжимаю тонкие пальцы Дока.

– Видишь ли, мужчины не терпят жалости к себе, особенно от той самой. Поэтому... – он замолкает и прикусывает нижнюю губу. – Я что-то разговорился. Пойдем, если что, будем удерживать его на кровати вдвоем.

Стоит мне только переступить порог спальни, как я слышу ледяной голос Дилана:

– Октавия, нет.

Прикрываю глаза на мгновение, а когда открываю их, то направляю внимание на Дилана. Вся решительность тут же разваливается. Ему реально плохо. Он выглядит хуже, чем в первый день после взрыва. Док не преувеличивал. Даже

не представляю, что тут было и как именно Эрик удерживал Дилана.

Вот черт!

Вина за это также ложится на плечи и давит.

– Ты не пойдешь, – продавливая свою линию Дилан.

Он сидит на краю кровати, уже дважды пытался встать, но Док его быстро умирят. Аккуратно толкает в плечо и чуть ли не ложится на колени, чтобы раненый не мог подняться. А если сможет, то ему придется прихватить Дока с собой или вообще уронить того на пол.

Я же стою полностью собранная, но не могу двинуться с места. За спиной легкий рюкзак, в котором только жареное мясо, добытое Волком на охоте, вода и запасные патроны. Я готова к дороге, но мне необходимо убедить Дилана отпустить меня. Как это сделать?

– Я иду, и мы не будем это обсуждать, – спокойно говорю я.

Чувствую себя не в своей тарелке. Вспышка моей агрессии привела Дилана к плачевному состоянию. Он пытался пойти за мной.

Дилан прекращает попытки подняться с кровати.

– Док, хватит, – просит он устало.

Голова опущена вниз, весь его вид показывает, какую боль он испытывает, но тем временем рука жестко сжимает покрывало, вены выпирают по всей поверхности от кисти до плеча.

Док стоит в шаге от кровати, утирает взмокшие виски и не сводит пристального взгляда с Дилана. Если тот снова попытается встать, то старик бросится со спасательной миссией вперед на всех парусах.

– Слова Луизы ничего не значат, – тихо, но твердо говорит Дилан, поднимает голову и, глядя на меня затуманенным от боли взглядом, говорит: – Никто не собирается устраивать твое изгнание или...

Пока Дилан подбирает слова, я перехожу в наступление, но стараюсь сделать это как можно мягче и объяснить свое решение со стороны логики:

– Луиза права, Кай вернется. И скорее всего выберет момент, когда мы будем наиболее уязвимы.

Дилан отрицательно качает головой.

– Я не могу отпустить тебя одну, – едва слышно шепчет он.

Сердце сжимается, а дыхание спирает.

Скидываю рюкзак на пол и иду к кровати. Ищу мотивы для Дилана, чтобы он смог отпустить меня с легким сердцем и сообщаю:

– Я не одна, со мной идет Честер.

– Я в курсе, он приходил. Мы его не знаем.

С этим сложно поспорить, но больше никто не вызвался идти с нами. Да я бы и не согласилась взять никого, кроме Дилана, но он не в состоянии.

– Я не могу на это согласиться, – устало говорит он.

Бросаю взгляд на Дока и прошу его оставить нас. Как только дверь закрывается, подхожу к кровати и присаживаюсь рядом с Диланом. Заглядываю в его невероятно голубые глаза и вижу там беспомощность и страх за меня. А еще ему адски больно.

– Я пришла, чтобы предупредить тебя, меня не будет несколько дней. Я все улажу и вернусь, – обещаю я мягко.

– Убить человека не так-то просто.

– Знаю, – говорю я и вижу по меняющейся эмоции на лице Дилана, что он понял. Кай будет не первым, чью жизнь я отобрала.

– Не знаешь, – уверяет Дилан. – Все, что было до Кая, так сложились обстоятельства, ты защищалась. Это другое. Ты идешь за ним словно охотник. Смерть Кая будет давить на тебя каждый прожитый день.

– Но если не будет Кая, то дней может быть гораздо больше.

– Это решение неправильное, – настаивает Дилан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.